

ЗАСТАВЬ ИХ ПОКЛОНИТЬСЯ ТЕБЕ

ВОЗНЕСЕННАЯ

Грежом

ПОСЛЕДНИЙ ХОД
ПРИНЦЕССЫ

Кора Рейли

Love & Mafia

Кора Рейли

**Вознесенная грехом.
Последний ход принцессы**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Рейли К.

Вознесенная грехом. Последний ход принцессы / К. Рейли —
«Издательство АСТ», 2021 — (Love & Mafia)

ISBN 978-5-17-151217-0

Роковая связь, которой не должно было случиться. Марселла поставила Мэддокса перед нелегким выбором, и он выбрал ее. Но она по-прежнему задается вопросом: готов ли он к серьезным отношениям или же боится потерять свою драгоценную свободу? Всю жизнь Мэддокс считал, что знал своих заклятых врагов, но теперь не понимает, кому из окружающих можно доверять, а кто прячет за спиной нож. Найдет ли он когда-нибудь место в жизни Марселлы и ее семьи или прежние товарищи предоставят ему новый кров и цели? Смогут ли недавние враги обрести истинную любовь, если обстоятельства играют против них?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-151217-0

© Рейли К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кора Рейли

Вознесенная грехом.

Последний ход принцессы

© 2021 Cora Reilly

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Белякова Анастасия, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Мэддокс

Мной овладело чувство неудержимой свободы: несколько дней назад я уехал прочь из тюрьмы. Мне до сих пор не верилось, что Витиелло позволит мне уйти – пусть Марселла и попросила отца пощадить меня, – с учетом того, что он не занимается помилованием. При мысли о ней сердце сжалось. В последнее время, когда я видел ее лишь мельком, и краткие минуты были настоящей пыткой. Я скучал по Белоснежке так сильно, что никогда никому бы в этом не признался, даже ей. Принятые ради нее решения и вихрь чувств застали меня врасплох и продолжают удивлять.

Но прежде чем я снова смогу вернуться к ней, мне необходимо уладить кое-какие дела. Иначе я бы витал в облаках, а мне не хотелось отвлекаться. Я хотел, чтобы у нас все получилось. Я слишком многое отдал, чтобы было иначе.

Не обращая внимания на приступы головокружения, я направился в первое убежище в парке, недалеко от нашего старого клуба в Нью-Джерси. Как и ожидалось, ящик из тикового дерева, закопанный под кустом, оказался пуст. Видно, тот, кто выжил после нападения, в первую очередь поехал сюда. Я надеялся, что это Грей. Ему ведь нужны деньги. Он еще не стал изворотливым – или, точнее сказать, безжалостным, – как большинство из нас, а значит, ему будет труднее достать наличные иным путем.

Снова взобравшись на байк, я проверил еще пару точек в черте города, прежде чем погнал на свалку, которая находилась примерно в тридцати минутах езды. Она принадлежала Коди, поэтому я всячески избегал этого места, которое он использовал для отмывания денег от продажи наркотиков.

Ключей от ворот у меня не было, поэтому ничего не оставалось, кроме как бросить байк рядом и перелезть через забор, обвитый колючей проволокой. Как только я очутился на противоположной стороне, раздался яростный лай, и два ротвейлера выскочили из небольшого дома, который служил в качестве хозяйственной пристройки.

Я не знал псов, и, что еще хуже, они не знали меня. Скорее всего, они из какого-то помета собак Эрла.

– Черт, – пробормотал я. Оружия у меня нет. Однако судя по тому, как торчали ребра животных, они давно не ели.

Видимо, Коди не очень-то хорошо о них заботился до того момента, как его схватили.

Он всегда говорил: «Голодные собаки – лучшая охрана».

Итак, два массивных ротвейлера напали на меня, вероятно, увидев свою будущую трапезу. Я рванул к груде разбитых машин, карабкаясь по ней, пока не оказался на самом верху. Собаки норовили взобраться на гору металла, но не смогли. Оглядевшись по сторонам, я нашел способ добраться до дома – перелезая с одной кучи на другую. Ротвейлеры последовали за

мной, класая зубами и рыча. Их шерсть была грязной, а у одной из собак на боку имелась рана, и, похоже, воспаленная. Сняв футболку, я разорвал ее на части и разбросал клочья в разные стороны.

Собаки бросились кто куда, что дало мне десяток секунд форы. Забравшись на крышу дома, я схватился за край и спустился, пока ноги не оказались на одном уровне с окном. Мышцы протестующе заныли.

После нескольких дней недоедания у меня не было сил на великие спортивные достижения. Сжав зубы, я оттолкнулся от стены, стараясь собрать остатки былой мощи, чтобы разбить окно. Стекло разлетелось вдребезги, когда я ударил по нему ногами. Рычание ротвейлеров заставило меня ослабить хватку, отчего я влетел внутрь. Осколки впились в мои ничем не прикрытые руки и спину.

Шипя от боли, я приземлился на пол на еще большее количество осколков.

На секунду я взглянул в окно, и подпрыгивающие собаки, стремившиеся попасть в дом, быстро меня взбодрили. Я отскочил, немного покачиваясь, прежде чем заозирался в поисках какой-нибудь защиты.

В одном из ящиков стола я нашел пистолет с тремя патронами. А затем взгляд упал на огромный пакет с собачьим кормом. Я подошел к нему и потащил к двери. Первая псина уже запрыгнула в окно, приземлившись на пол окровавленными лапами. Я пнул мешок с кормом, чтобы тот разлетелся по полу подальше от осколков стекла.

Ротвейлер отряхнулся и, не удостоив меня взглядом, начал поедать корм. Бедное животное.

Я аккуратно открыл дверь, и другой ротвейлер ломанулся внутрь. Как и его собрат, он проигнорировал меня в пользу еды. На миг я задержал дыхание, почти готовый наброситься на собачий корм. Тело так и молило о пище. Но я пришел сюда за деньгами. Я начал обыскивать оставшиеся ящики, пока не нашел связку ключей, о которых изредка упоминал Коди. Он никогда не умел хранить секреты.

Схватив связку, я выбежал наружу – прямо к старенькому «Шевроле». Отперев багажник, вытащил кожаный чемодан и открыл. На моем лице появилась улыбка, когда я обнаружил несколько пачек банкнот, замотанных в пакеты. Вроде бы не менее пятидесяти тысяч. Закрыв чемодан, я отнес его в дом, чтобы найти ключи от ворот. Когда я наконец их отыскал, собаки лежали среди разбросанного корма, тяжело дыша, но выглядели умиротворенными.

Имея при себе и ключи, и чемодан, я направился прямо к воротам, как вдруг сзади послышалось шарканье, отчего я обернулся, готовый отбиться от угрозы. К моему удивлению, два ротвейлера последовали за мной, неуверенно виляя хвостами.

Я почесал голову.

– Что же с вами делать? – Я не знал номер Гроула, иначе позвонил бы ему, чтобы тот мог их забрать.

Если я оставлю ротвейлеров здесь, то следующий человек, приехавший сюда за деньгами, наверняка их убьет. Не говоря уже о том, что собаке покрупнее, возможно самцу, требуется залечить рану и кровоточащие лапы.

Взгляд блуждал по свалке, пока не остановился на здоровенном грузовике Коди марки «Форд». Превозмогая острую боль, я затащил «Кавасаки» в грузовик и спрятал чемодан под сиденьем автомобиля. Как только я отошел от двери, сука, а потом и кобель запрыгнули внутрь и удобно расположились на пассажирском сиденье.

Мне требовалось посетить еще одно место, прежде чем отвезти собак. Но предстоящей встречи я боялся больше всего.

Я тщательно обдумывал, что сказать, пока направлялся к маме с намерением объяснить случившееся, в том числе и то, почему я убил Эрла, но мысли уже долгое время путались

в голове. Все окажется пустым звуком, и она вряд ли мне поверит. Да и я бы не поверил в большую часть сказанного.

Когда я подъехал к дому, мама вышла на крыльцо с ружьем в руках, очевидно, опасаясь непрошенных гостей. Но, заметив меня, она чуть опустила ствол. На ней был плюшевый розовый халат, тон в тон с цветом накрашенных губ, светлые волосы накручены на бигуди. Хотя что-то не меняется.

Я выскочил из машины, подняв руки над головой и ухмыльнувшись.

– Мам, это я.

Она кивнула, сощурившись. Похоже, я был одним из нежелательных визитеров, которых она хотела запугать дробовиком.

– Что ты тут делаешь?

Настороженность в голосе мамы заставила меня задуматься, что она в курсе, как я убил Эрла, хотя у нее не было доступа к информации. Такое просто невозможно.

Кроме людей Витиелло, об этом никто не осведомлен, и я сомневался, что они уже рассказали об Эрле кому-то из знакомых моей матери. Витиелло заверил меня, что не позволит ничему просочиться наружу.

И чтобы я ни думал о Луке Витиелло, в одном был уверен точно – он полностью контролировал своих людей.

– Собираешься выстрелить в меня, мам? – Все еще держа руки над головой, я подошел ближе.

Она опустила дробовик на несколько сантиметров, целясь мне в грудь.

– Что с тобой случилось? – спросила мама, окинув взглядом мой голый, израненный и покрытый синяками торс.

– Много чего, – ответил я, не готовый разглашать больше информации, пока она наставляла на меня ружье.

Она кивнула в сторону грузовика.

– Разве он не принадлежит Коди?

– Ага. Но он ему теперь не понадобится.

Мама снова кивнула и горько улыбнулась.

– Он мертв?

– Ага. – Я медленно вытянул руки вдоль тела.

Мама проследила за мной с опаской, но не выстрелила. Я не сомневался: она нажмет на курок, если ее спровоцировать.

– Я забрал его собак со свалки.

– Уверена, не только их, – ответила она тихо. – Он прятал там наличные. Ведь он не умел держать язык за зубами, когда напивался.

– У него был длинный язык. – Я невесело усмехнулся. – Ты убережешь дробовик?

Мама отрицательно покачала головой.

– Пока нет. Ходят слухи, что теперь ты работаешь на итальянцев.

– Я ни на кого не работаю, мам. Ты же сама понимаешь, как плохо я подчиняюсь приказам.

Она посмотрела на грузовик.

– Тебе следовало пристрелить собак. Неужто проблем мало?

Я не представлял, как много ей известно, но, учитывая нежелание опустить ружье, – значило, что много.

– Эрл мертв.

Она печально вздохнула.

– Да. Итальянцы схватили его и еще нескольких мужчин. От этих начищенных ублюдков никто живым не возвращался.

– Ага. – Я не знал, мог ли я увидеть слезы или как минимум какое-нибудь проявление скорби от мамы из-за смерти Эрла. Однако учитывая, что он постоянно ей изменял и редко появлялся дома, мне не стоило удивляться.

– Говорят, тебя тоже схватили.

Я пожал плечами, поднимаясь по ступенькам крыльца, пока не оказался прямо перед мамой, отчего ствол дробовика почти касался моей груди.

– Что еще ты слышала?

– Что ты предатель. Грей рассказал, что ты сообщил им ваше местоположение.

На меня нахлынуло облегчение от подтверждения того, что Грей и вправду ушел живым.

– Я не... – Но не успел я договорить, как мама дала мне пощечину.

– Если бы в тот день с Греем что-то случилось, я бы никогда тебя не простила.

– Именно поэтому я позаботился о том, чтобы он смог спасти свою жалкую задницу.

– Он и это упомянул.

– Где он сейчас?

– Без понятия. Уехал вчера. Оставил немного денег и сказал, чтобы я не волновалась, а он заставит меня испытывать гордость за него.

– Что, черт возьми, происходит?

Она искала что-то в моих глазах.

– Если ты не работаешь на итальянцев, то почему выжил, Мэддокс? Они тебя не убили. Грей заявил, что ты сделал девчонку Витиелло своей женщиной.

Моей женщиной.

Мне нравилось, как это звучит.

– Она многое для меня значит.

– Намного больше, раз ты стал из-за нее предателем. Ты жил ради клуба. Неужели одной женщины хватило, чтобы забыть о том, что случилось с твоим отцом?

– Я не забыл, но мне надоело застревать в прошлом. Благодаря Марселле у меня появилось желание задуматься о будущем.

– О каком? Что ты собираешься делать без клуба? Никакая другая жизнь тебе не знакома.

– Я разберусь.

Она мрачно рассмеялась, зато наконец опустила ствол.

– Если ты работаешь с итальянцами, то каждый байкер будет мечтать заполучить твою голову. Хотя они в любом случае захотят, как только просочится слух, что ты убил Эрла.

Я напрягся.

– О чем ты говоришь?

Мама снова дала мне пощечину. Я ожидал удара, но не попытался защититься. Она имела полное право злиться.

– Не лги мне в лицо, Мэддокс. Я не глупая. Информация прилетела от итальянцев. Или хочешь сказать – они распространяют слухи, чтобы разрушить твою репутацию?

Я отвернулся от мамы. Кто же выложил правду? В тюрьме Семьи было несколько человек, о которых я кое-что знал. Лука, Амо, Маттео, Гроул и Марселла.

Если кто-то из них разнес новости о том, что я убил дядю, это могло служить лишь одной цели: заставить другие отделения «Тартара» и «Кочевников» желать отомстить мне. Кто-то назначил награду за мою голову.

Меня хотят убить. Вопрос – кто?

На первый взгляд этим человеком вряд ли являлся Лука, поскольку он мог легко пришить меня, пока я был его пленником, – что заставило бы Марселлу злиться на него.

Самый простой способ для Луки угрожать мне – и чтобы Марселла не винила его, – уломать других байкеров охотиться за мной.

– А кто распространяет слухи?

– Грей не говорил.

– А про убийство тебе рассказал Грей?

– Мэддокс, ты убил своего дядю? Вот единственное, что я хочу знать.

– Ты в курсе, каким был Эрл, мам. Он оказался одержим мстостью: куда мне до него! Если мы превратимся в монстров, чтобы убить монстра, то не станем лучше. Грей сообщил тебе, что Эрл сделал с Марселлой?

Мама кивнула.

– С годами Грей стал более решительным. Но тебе следовало разобраться с проблемой еще в клубе. Ты мог бы бросить Эрлу вызов, чтобы занять пост президента.

– Меня бы никогда не избрали президентом. За последние годы прогрессивные и либеральные члены клуба стали «Кочевниками». А люди, которые остались, целиком и полностью преданы Эрлу. И даже если бы я выиграл, они бы ни за что не приняли результаты голосования. «Тартар» был смыслом его жизни. Ничто другое не имело значения.

– Верно, – с тоской согласилась мама. Ее глаза изучали мое лицо. – Я не представляю, что и думать. Где тот мальчик, которого я вырастила?

– Я – тот самый, мам. Мне пришлось сделать выбор, как и Эрл сделал свой, когда попытался натравить на меня собак. Но мне печально, что ты одна.

Мама рассмеялась.

– Ох, Мэддокс, но Эрла не было здесь почти год! Однако без клуба я не смогу оплачивать счета. А десять штук, которые оставил Грей, быстро израсходуются. – Она надела резиновую перчатку, которую всегда использовала, когда курила, чтобы пальцы не пожелтели.

Неплохое решение, учитывая, что мама выкуривала по сорок сигарет в день.

Я побежал обратно к грузовику и достал из чемодана тридцать тысяч. Мама наблюдала за мной с некой долей подозрения, и оно не исчезло, даже когда я протянул ей деньги.

– Должно хватить на какое-то время. Я пришлю тебе еще, когда опять начну зарабатывать.

Она покосилась на дробовик.

– Ты правда собираешься работать на мафию?

– Я не буду вкалывать на них, но пока мне приходится сотрудничать с ними. Я просто без ума от этой девушки... и не могу...

– Надеюсь, она не играет с тобой. Хочется верить, что оно того стоит. Ради нее ты отказался от настоящего дома, который у тебя был. Она хоть что-то понимает?

Мама права. Клуб был моей крышей над головой столько, сколько я себя помню.

Дом мамы в Техасе – как и этот – стали лишь местом, куда я просто приходил переночевать.

За последние несколько дней много чего произошло, даже не было времени осознать, что теперь у меня нет дома. У меня никогда не было своего угла, только комната в «Тартаре». Когда я испытывал необходимость в компании, всегда находились братья по клубу. И клубные девушки. Но теперь я практически стал «Кочевником», и вернуться мне некуда.

Марселла и я... у нас еще не было собственного жилища, но при мысли о том, чтобы переехать к ней, пульс участился. Как у нас вообще что-то получится?

– Надеюсь, ты не пожалеешь о своем решении, Мэддокс.

– Ни капли, – отрубил я. Никогда не пожалею о том, что спас Марселлу единственным возможным способом. А что насчет убийства Эрла? Я оказал ему услугу. Он избежал жестокой смерти от рук Витиелло. Но крошечная часть меня до сих пор терзалась от воспоминаний о старых добрых временах.

Мама схватила меня за предплечье, впиваясь в кожу длинными ногтями.

– Я переживаю за Грея. Ты тоже лишил его дома. Он растерян и нуждается в людях, на которых можно равняться. Он попадет в беду, я чувствую. Грей будет искать другое отделение

«Тартара» в надежде присоединиться к нему, а это верная смерть, поскольку они собираются разжечь войну с итальянцами. Защити его. Верни сюда. И убедись, что он останется.

– Ладно, когда разыщу, притащу к тебе, заставлю окончить школу и пойти на какую-нибудь достойную работу. Он еще очень молод и может начать другую жизнь.

– Я всегда желала другой жизни и для тебя, но не с мафией. Ох, Мэддокс, береги себя.

– Ты меня знаешь. Меня нельзя убить.

Мама стала серьезней.

– Если что-то случится с Греем, я тебя никогда не прощу. Не возвращайся сюда без него, понял? Это твоя вина. Ты отнял все, что у него было, а теперь дай ему то, ради чего можно жить.

Я сглотнул, тяжелое чувство вины осело в груди. Я вырвал Грея из комфортного мира, убил его отца, пусть они только и делали, что ссорились и с трудом ладили. В отличие от меня у парня не было выбора. Однако я не был уверен в том, хотел ли он меня видеть. Если бы он меня послушал, не говоря уже о том, чтобы вернуться со мной домой...

Я посмотрел на грузовик.

– Мне пора, не хочу доставлять тебе неприятности.

Мама одарила меня взглядом, который ясно намекал – уже слишком поздно.

– Пообещай, что вернешься с Греем, – сурово прошептала она, усилив хватку.

Я промолчал, сомневаясь. Грей, в конце концов, не ребенок.

Тем не менее я проговорил:

– Обещаю.

И она меня отпустила. Я отчаянно надеялся, что смогу сдержать слово, ради ее и Грея блага, но прежде всего – ради себя. Ни к чему, чтобы на моей совести появился дополнительный груз вины. И на том спасибо.

– Можешь принести мне старую футболку, пока я не уехал?

Не сказав ни слова, мама исчезла в доме, но я не последовал за ней. Было четкое ощущение: ей не хотелось, чтобы я заходил внутрь. Мне здесь не рады – и не будут, пока я не найду Грея, но даже после... мы и раньше не были близки, а эта ситуация, вероятно, вбила последний гвоздь в гроб наших отношений.

Мама вернулась с парой черных футболок и протянула мне.

Надев свое тряпье, я поехал обратно в город, но спустя какое-то время остановился на обочине, выпустив собак, чтобы те сходили в туалет. Бросив взгляд на «Кавасаки», не удержался. Достав его из грузовика, я немного покатался по дороге, рассчитывая, что сумею собраться с мыслями. Я не мог перестать думать о Грее. Мама всегда говорила, что он бы не пережил того, чему я стал свидетелем.

Он мягче, чем я, наверное, поэтому мама всегда предпочитала его. На ее месте тоже выбрал бы Грея.

Собаки ждали рядом с грузовиком и наблюдали за мной. В итоге я затормозил, но не слез с мотоцикла. Я не мог объяснить, почему вдруг решил не возвращаться в город. Я хотел к Марселле. Ради нее я отказался от всего, желая быть вместе с ней, но кто-то сдал меня. И вряд ли Гроул. Он не похож на мстительного человека, и у него нет никаких причин, если только Лука не приказал ему.

Матео определенно мечтал, чтобы я уехал. Возможно, он слил информацию. Или Амо. Здоровяк не переносил меня и был бы рад моей смерти, для него главное, чтобы я держался подальше от сестры.

Теперь каждый член «Тартара» в стране знал, что я убил Эрла, и считал меня предателем. Я – их главная цель. Поэтому найти сводного брата будет особенно трудно. Вернись я к Марселле, чтобы сообщить ей о поисках Грея, тот, кто сдал меня, вскоре прознал бы и об этом, а затем донес на меня или представил все так, будто я хочу убить и Грея.

– Черт, – пробормотал я. Важно разыскать брата прежде, чем кто-то вобьет в голову Грея, что я представляю для него угрозу, если так уже не произошло.

Сидя на байке, я смотрел на закат. Хотя жизнь мотоклуба и полна ответственности и правил, гнать на «Харлее» навстречу закату – это всегда дарило мне чувство свободы.

Я решил переночевать в грузовике, прежде чем определиться, что делать дальше. Я смертельно устал, и мне нужна спокойная ночь, чтобы по-настоящему смириться с новым поворотом в жизни.

Глава 2

Мэддокс

Я проснулся на следующее утро в кузове грузовика: тоска по Марселле была такой же сильной, как и зов улицы. Две любви моей жизни – бесконечная дорога и девушка с холодными голубыми глазами. Прощальные слова мамы продолжали крутиться в голове: «Если что-то случится с Греем, я тебя никогда не прощу. Не возвращайся сюда без него, понял? Это твоя вина».

Найти Грея будет сложно.

Большинство старых знакомых избегали меня, остальные же, вероятно, пытались убить. У них были все основания не доверять мне. Однако мама права. Мне необходимо спасти Грея от самого себя. Не только потому, что он наверняка до сих пор находился в списке Витиелло, но и потому, что разгневанные байкеры, жаждущие мести, могли преследовать его. Если брат вбил в себе в голову напасть на Витиелло в качестве мстителя, то у меня нет никаких шансов его спасти.

Я затащил «Кавасаки» в кузов грузовика. Нужно избавиться от него и собак, желательно не наткнувшись на кого-то из людей Витиелло. Как только ротвейлеры заняли свои места, я направился в Нью-Йорк. Кобель тяжело дышал, верно, из-за боли от раны, поэтому я решил сначала отвезти животных в безопасное место.

В ходе расследования деятельности Семьи и их многочисленных организаций мы наткнулись на приют для собак, принадлежащий головорезу Витиелло – Гроулу.

Очевидно, Витиелло не будет счастлив, появившись я на пороге его дома без приглашения, а у меня не было возможности связаться с Марселлой. Мы уничтожили ее телефон, когда похитили, и я не успел спросить ее номер. Я даже не знал, что именно ей сказать, дабы не поставить под угрозу поиски Грея.

Во время разговора с Гроулом тот был настроен не совсем дружелюбно, но казался более надежным вариантом, чем другие солдаты Витиелло.

Подъехав к подъездной дорожке приюта, я остановился рядом с пикапом. Не успел я выйти из машины, как Гроул и высокий худой парень вышли из дома, направляясь ко мне. Заметив меня, Гроул стал настороженным, зато хоть не достал оружие. За последние годы это было самое дружелюбное приветствие, которое я получал от итальянцев, но я по-прежнему испытывал странное чувство.

Сомневаюсь, что находиться в полудружественных отношениях с Семьей когда-то перестанет казаться мне странным.

Я выбрался из машины, стараясь держать руки на виду. Мне и правда не хотелось схлопотать пулю в лоб, если только я не дал им для этого повод.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Гроул.

– Привез собак. Я спас их со свалки одного из моих убитых братьев по клубу. Пес ранен.

Гроул выглядел напряженным, однако его бдительность ослабла, когда он заметил двух ротвейлеров на пассажирском сиденье.

– Показывай.

Я подошел к двери машины и открыл ее.

– Выпрыгивайте. – Собаки и впрямь послушались и выскочили наружу.

Более крупный ротвейлер зарычал, когда Гроул приблизился к нему, но высокий парень опустился на корточки и заговорил спокойным голосом с псом.

Вскоре животные утихомирились, а парень погладил их.

– Я позволю ветеринару, чтобы тот осмотрел рану, а тебе следует вернуться в город и встретиться с Лукой.

Проигнорировав последние слова, я указал на грузовик.

– У меня байк Маттео. Могу я оставить мотоцикл, чтобы Маттео его забрал?

Гроул выпрямился и с подозрением посмотрел на меня.

– Почему бы тебе не вручить ему байк лично?

– Я пока не собираюсь возвращаться в Нью-Йорк. У меня есть еще несколько дел, которые нужно решить перед тем, как присоединиться к отряду Луки.

Гроул покачал головой.

– Это так не работает.

– Со мной – так, – кратко сказал я. – Вероятно, я приеду через пару дней, сообщи обо всем Луке.

– Что за дела, с которыми надо разобраться сейчас?

– Они касаются лишь меня и никак не относятся к Семье.

– Любой вопрос относится к Семье, особенно если он связан с Марселлой Витиелло. Она знает, что ты уезжаешь?

– Передай ей. Она поймет. – Я сомневался в этом, кроме того, не мог посвятить никого в детали плана, ведь Гроул был человеком Луки. Я никогда не отчитывался перед женщиной, не считая мамы, да и то в детстве: все прекратилось, когда я стал подростком.

Гроул прищурился.

– Если ты не заинтересован в Марселле или не уверен, на чьей ты стороне, то тебе лучше не возвращаться. Однажды Лука пощадил тебя, но больше он не будет столь великодушен.

– Тебе-то что?

– Я знаю, кому я предан. Лука принял меня, когда мне было некуда идти. Я не из тех, кто растаптывает такой подарок.

– Просто скажи Марселле, что мы увидимся, когда я разберусь с проблемами, и передай Маттео мое спасибо за байк. – И я шагнул к машине.

Незачем чувствовать угрызения совести из-за слов Гроула. Однако у меня проскочила мысль доехать до особняка Витиелло и попросить разрешения поговорить с Марселлой в надежде все прояснить, хотя найти Грея, пока того не убили, являлось главной задачей. Как только он скажет, кто слил информацию, что я прикончил его отца, тогда я и решу, что делать. Я не знал, сколько времени все займет, впрочем, мы с Марселлой прошли и через худшее, чем несколько дней разлуки.

Скоро мы вновь будем вместе, и, черт, я не мог дождаться, когда попробую ее снова.

Марселла

После нескольких недель плена было странно оказаться дома. Еще недавно я чуть ли не каждую секунду проводила с Мэддоксом, и теперь мне стало непривычно находиться вдали от него. Мне его не хватало, я скучала по его грязному рту, во многих смыслах этого слова, но, как оказалось, он сделал выбор двигаться дальше и наслаждаться свободой, которую предлагает байкерский образ жизни.

Выглянув в окно и посмотрев на улицу, я с горечью скривила губы. Я продолжила делать это, хотя час назад Маттео сообщил, что Мэддокс не вернется. Похищение изменило меня, хоть я и не хотела никому признаваться.

Может, это и к лучшему, что Мэддокс принял решение и разорвал отношения. Я же оказалась недостаточно храброй, но до безумия влюбленной. А был ли шанс возродить связь в условиях нормальной обстановки, без опасений за собственную жизнь? Мы никогда не узнаем.

Я не испытывала ненависти к Мэддоксу за то, что он уехал, но задумалась: «А не было бы лучше позволить папе убить его, ведь тогда все стало бы проще?»

Жизнь с Мэддоксом принесла бы много испытаний не только для меня, но и для Семьи, и для коза nostra Восточного побережья, вдобавок я не уверена, что все бы с этим справились.

Амо издал звук, выражающий недовольство.

– Прекрати глазеть в окно, как верная собачонка. Он не приедет. Он вероломный байкер, тебе будет лучше без него.

Я одарила брата своим лучшим смертоносным взглядом, возмущенная таким сравнением.

– Собака будет вилять хвостом и приветствовать хозяина, я же врежу Мэддоксу по яйцам, как только он ворвется в мою жизнь, можешь не сомневаться.

Амо покачал головой.

– Точно. Ты так и сделаешь, но ты должна позволить папе разобраться с ним. Пусть его убьют. А тебе нужно начать все с чистого листа, Марси. Тот факт, что он до сих пор где-то на свободе, мешает тебе жить, ты должна отпустить это. Тебе понадобятся напористость и ум, чтобы показать солдатам отца, кто здесь главный.

Наконец я отвернулась от окна. Лишь из комнаты Амо открывался вид на улицу, мое же выходило в сад: вероятно, еще одна мера безопасности папы.

– Мне ничего не мешает жить дальше. Я в состоянии отличить голос сердца от голоса разума. Моя работа на Семью не имеет ничего общего ни со мной, ни с Мэддоксом.

– Нет никаких «ты и Мэддокс». Он тебя бросил.

– Неправда. Он не мог. Мы не были в отношениях, чтобы говорить о...

Амо перебил меня:

– Не продолжай. Не хочу знать подробности о твоём плене с привилегиями.

Я швырнула в Амо первое, что попало под руку, – толстый учебник по алгебре, валяющийся на полу.

– Ладно тебе! Не будем упоминать байкера.

– Спасибо. – Я подошла к дивану и улеглась.

Амо вновь сконцентрировался на мониторе компьютера, изучая топографические особенности Пенсильвании. Я не знала, было ли это домашним заданием или же он занимался географией ради охоты на байкера.

– Рано или поздно наши солдаты примут тебя, – сказал Амо, и в его тоне подразумевалось «но».

Наши солдаты. Для него все происходило естественным образом. Амо встретили с распростертыми объятиями, и ни у кого даже не возникло вопроса, что он станет доном после того, как папа уйдет в отставку.

И я догадалась, о чем умолчал Амо.

– Потому что они уважают и боятся папу.

Он ничего и не отрицал.

– Я добьюсь их уважения.

– Тебе придется работать усерднее, чем когда-либо приходилось мне.

Именно. На женщин смотрели свысока. Нам полагалось быть красивыми и понимать, когда следует промолчать. Благодаря папе в мою сторону не летели сексистские комментарии, однако мужчины не воспринимали меня всерьез.

– Ты не передумала насчет татуировки? – спросил Амо, указывая на мою спину.

Я напряглась, как и всегда, когда мне напоминали об уродливых словах, вытатуированных на коже.

«Шлюха Витиелло».

– Да. Не собираюсь тратить месяцы на то, чтобы вывести тату, чтобы остались только шрамы. Люди все равно будут знать, что они означают, кроме того, они сообразят – произошедшее задело меня настолько, что я захотела убрать следы со своего тела. Я буду выглядеть слабой, поэтому слова останутся, но я перекрою их собственной правдой.

Амо кивнул.

– Может, и я сделаю еще одну татуировку.

Я усмехнулась.

– Удачи с мамой. У тебя не было бы даже первой тату, не понадобься она для Семьи.

– Папа с ней поговорит.

Я закатила глаза. Раздался тихий стук в дверь.

– Да, – сказал Амо.

Мама заглянула в комнату, на ее лице отражалось беспокойство, но оно исчезло, когда она заметила меня.

– Марси, вот ты где! Я сначала проверила твою спальню.

Я почти не проводила время у себя, да и Амо пока не жаловался на мое присутствие. Я не представляла почему, может, из-за желания меня защитить... или брату и вправду было все равно.

– Тебе что-то нужно? – спросила я, улыбнувшись маме. Она до сих пор волновалась, особенно после исчезновения Мэддокса.

Втайне она, конечно, этому обрадовалась, как и папа, но не показывала виду.

– Джованни пришел.

Я приоткрыла рот, совершенно ошеломленная новостью.

– Он не звонил заранее?

– Понятия не имею. – Мама взглянула на Амо.

Он пожал плечами.

– У меня нет его номера, как и у него – моего. Мы не настолько близки.

Я подавила гнев.

– Папа в курсе! Сомневаюсь, что Джованни осмелился бы прийти без его предварительного разрешения.

Мама одарила меня ободряющей улыбкой.

– Твой отец переживает о тебе не меньше меня. Может, он подумал, что тебе было бы неплохо увидеться с Джованни.

Я начала расхаживать по комнате.

– Как встреча с бывшим мне поможет? Мэддокс исчез совсем недавно!

– Былая любовь горит дольше, верно? – пробормотал Амо.

Не будь мама рядом, швырнула бы в него еще одну книгу и уж точно не промахнулась бы.

– Ты встретишься с ним или мне попросить его уйти? – спросила мама. – Он в холле.

Я не могла поверить, что Джованни здесь. Из всех людей, которых я не хотела видеть сейчас, он являлся первым в списке.

– Отправь его домой. Не желаю с ним разговаривать.

Мама кивнула и развернулась.

Мэддокс, наверное, уже развлекался с какой-то девицей, которая делала ему минет. От этой картины ярость и тошнота подкатили к горлу. Я не сожалела о том, что произошло между нами, поскольку наслаждалась свершившимся на все сто, однако мне не хотелось привязываться к этому эмоционально.

– Постой! – крикнула я, поспевая за мамой.

Она оглянулась, вскинув брови.

– Я пообщаюсь с Джованни, – выпалила я. – Было бы невежливо попросить его убраться вон, ведь он проделал такой путь сюда.

– Верно, – согласилась мама. – Как благоразумно с твоей стороны.

Она подразумевала, что, возможно, я пересмотрю свое отношение к Джованни. Первая мысль была сказать «нет», поскольку после расставания с Джованни я чувствовала себя свободной. Я не понимала, как наше воссоединение мне поможет. Вернуться к бывшему только потому, что ты не способна быть одна или тебе надо утешить разбитое сердце, – наихудшее решение.

– Сказать ему, что тебе нужно переодеться?

Я взглянула на себя: спортивные легинсы и свитер – одежда, в которой я показывалась на людях исключительно по дороге в спортзал или обратно к дому. Тем не менее я отрицательно покачала головой.

– Не надо.

Джованни увидит меня настоящую: девушку в свитере и без макияжа. Это была лишь крошечная частичка меня, о которой он никогда не догадывался. Он знал лишь всегда идеальную Марселлу.

Я спустилась вслед за мамой. Так и есть: Джованни ждал меня в холле, рассматривая старую семейную фотографию, причем с откровенным любопытством. Хотя он, должно быть, видел ее уже тысячу раз. Он повернулся ко мне, когда я находилась в шаге от него, установившись на мой наряд. На его лице промелькнуло изумление, но он быстро скрыл его за теплой улыбкой.

Удивительно, но я не злилась на Джованни за его слова о моей репутации, сказанные после разрыва. Похищение заставило меня взглянуть на все по-новому.

Он был растерян и потрясен, поэтому дал отпор единственным возможным способом.

Я кивнула маме, давая понять, что она может оставить нас наедине. Она проскользнула в гостиную и закрыла дверь.

Воцарилась тишина. Как и прежде, он был одет безукоризненно: рубашка на пуговицах, слаксы и туфли. Но внешний вид Джованни меня уже не привлекал. Мэддокс успел навязать мне любовь к кожаным курткам, байкерским ботинкам и джинсам, что еще сильнее злило меня сейчас, ведь в нашем кругу так никто не одевался.

– Марси, – осторожно проговорил Джованни, отрывая меня от размышлений.

Выдавив улыбку, я сделала последний шаг, однако сохранила дистанцию.

– Джованни, отлично выглядишь.

Более идиотской фразы для начала диалога и представить нельзя, ее могла превзойти только фраза о погоде.

Улыбка Джованни стала шире.

– Ты тоже.

Я покачала головой.

– Я в спортивной одежде и без мейкапа. Не надо врать.

– Марси, я не вру. Я не поклонник такой одежды, но ты всегда прекрасна.

– Спасибо, – сказала я и впервые за целый день искренне засмеялась. Раньше подобное замечание о внешности вывело бы меня из себя, но я уже не волновалась по поводу одобрения Джованни.

Мне помогли перестать быть идеальной в глазах окружающих, что сделало жизнь проще во многих смыслах.

– Могу я подойти ближе? – проговорил Джованни.

– Почему ты спрашиваешь? – Но потом меня осенило. До Джованни долетели слухи, и он подумал, что меня испугает его близость. Не то чтобы он и раньше откровенно прикасался ко мне, зато сейчас я была уверена, что за нерешительностью скрывалась другая причина.

– Конечно. Я в порядке, Джованни. Не надо относиться ко мне так, словно я сломлена.

Джованни сократил расстояние между нами и взял меня за руку, что было неожиданно, но я не отстранилась. После всего случившегося было приятно находиться рядом с кем-то, помимо Семьи, но Джованни не был тем мужчиной, от которого я хотела получить утешение.

Между тем тот самый мужчина сбежал как гребаный трус. Я отбросила все мысли о Мэддоксе.

Джованни поймал мой взгляд. Его глаза, как и прежде, были полны преданности и любви. Он не сбежал. Нет, он стоял передо мной, просил о втором шансе.

– Я хочу, чтобы мы попытались. Теперь все будет по-другому, Марси.

– Как же именно? – спросила я.

Он понизил голос, будто боялся, что нас подслушивают. Я едва снова не закатила глаза.

– Я не буду сдерживаться. И дам тебе все, что ты захочешь. Буду целовать каждый сантиметр твоего тела и прикасаться к тебе. Даже пересплю.

– Правда?

– Да, – сказал он. – И ничто нас не остановит. Мы можем стать нормальной парой и пока даже не состоять в браке. Так или иначе, люди сейчас не ждут кровавых простыней.

Потребовалось время, чтобы осмыслить его слова, а потом забыть их. В интонациях Джованни сквозило облегчение из-за того, что я спала с Мэддоксом. Ну а слухи о том, что я связалась с байкером, означали одно – бывший не претендовал на мою девственность.

Поэтому ему не надо бояться моего отца, поскольку, в отличие от Мэддокса, переспи я с Джованни, папа, наверное, поаплодировал бы парню.

Я выдернула руку, возмущаясь.

– Ты ошибаешься. Кое-что нас останавливает: мои чувства к тебе. Я не хочу быть с тобой ни в физическом, ни в эмоциональном плане. Я двигаюсь дальше, Джованни, и ты тоже иди своей дорогой.

– Марси, тебе не должно быть стыдно за случившееся. Рано или поздно сплетни улягутся. Однажды мы поженимся, и люди будут видеть в тебе только мою женщину.

Потребовалось невероятное самообладание, чтобы не накричать на него изо всех сил. Как бы то ни было, я подавляла слишком много эмоций, но мне не хотелось нервировать маму или, что еще хуже, папу. Они давно присматривали за мной двадцать четыре на семь, а нервный срыв не пошел бы мне на пользу.

– Прощу тебя, уходи, – настаивала я. – Меня не тянет быть чьей-то женщиной сейчас. Я собираюсь сосредоточиться на работе. Изучение всех тонкостей структуры Семьи требует времени и упорства. Думаю, тебе лучше найти другую. – Признаюсь, в тот момент я гордилась своим спокойным голосом.

На лице бывшего промелькнул намек на сочувствующую улыбку.

– Мой папа упомянул о твоём желании присоединиться к Семье официально. – Он покачал головой в манере, которую нельзя было описать иначе как высокомерие. – Марси, послушай, твой отец потворствует тебе только потому, что тебе причинили боль, но люди начинают злословить. Женщинам не подобает мечтать о том, чтобы занять место в наших рядах.

Им вообще не положено хотеть чего-то большего. Ни секса, ни любви и, определенно, ни своего законного места в мире, в котором они родились.

– Я намерена получить лишь то, что заслуживаю. Я Витиелло. Амо и Валерио не придется доказывать свое желание стать частью клана.

– Они мужчины, – возразил Джованни, будто поделился со мной секретом.

Неужели он всегда был таким невыносимым или же я отличалась стоворчивостью в прошлом? Точного ответа я дать не могла.

Джованни вздохнул.

– Но ты не сталкивалась с испытаниями, которые ожидают каждого мужчину, ставшего частью Семьи. Мы должны дать клятву и сделать татуировку. Обязаны истекать кровью и терпеть мучения ради общего блага нашего круга.

Я не сдержалась:

– Мне сделали тату, я истекала кровью и терпела мучения из-за вражды между Семьей и «Тартаром», Джованни. – Я откинула волосы, показывая отсутствующую мочку уха. Затем расстегнула молнию на свитере и стянула футболку, обнажая плечо, демонстрируя деталь татуировки.

Глаза Джованни округлились.

– Испытывал ли ты боль хуже этой? А?..

– Мне очень жаль, Марси. Ты сильно натерпелась, ты права. Но ты не переживала все это с мыслями о Семье, не терзалась ради клана. Ты пострадала случайно. И если бы знала какие-нибудь важные тайны, то раскрыла бы их в ту же секунду, когда они пригрозили отрезать тебе мочку уха. – Увидев мое выражение лица, он добавил: – Что вполне объяснимо. Ты женщина, у вас другой болевой порог.

– Да брось ты, Джованни, – протянул Амо, спускаясь по лестнице. – В последний раз, когда ты практиковал боевые приемы, чуть не разревелся, когда кто-то вывернул твоё гребаное запястье. Марселла – крепкий орешек. И если отец считает, что она выдержит любые испытания ради дел клана, то она переживет их *снова* и не сломается. Она – Витиелло. И татуировка не делает тебя более преданным. Марселла живет и дышит ради нашей семьи, а наша семья – ради коза ностра.

Мне хотелось его обнять. Я могла разобраться с Джованни, однако поддержка Амо и то, с какой легкостью он подтвердил, что я страдала ради Семьи и клана, возымели вес в глазах бывшего. Слова брата и отца, пожалуй, всегда будут иметь большее значение, чем мои, но я сделаю все, чтобы к моему мнению прислушивались.

Амо остановился возле меня, одарив Джованни пренебрежительной усмешкой.

– Тебе есть еще что сказать?

– Думаю, Джованни уже пора, – заметила я.

Джованни сделал шаг назад, затем еще один и кивнул.

– Сожалею, что ты столько пережила, Марси. Надеюсь, случившееся не выставит тебя и твою семью в дурном свете.

– Всего доброго, – пробормотал Амо, и Джованни, наконец, развернулся и выскочил на улицу.

Я издала сдавленный возглас, сжав кулаки.

– Я очень сильно хочу что-нибудь ударить.

– Можешь побить боксерскую грушу в подвале. Да и я все равно собирался в наш домашний спортзал.

– Отлично, – сказала я. Идти мне уже некуда. Прогуляться по городу или встретиться с друзьями? Об этом не могло быть и речи.

Открылась дверь – папа вошел в холл вместе с Валерио. Взгляд отца сразу же сосредоточился на мне.

Должно быть, отец натолкнулся на Джованни или обнаружил его машину. Хотя телохранители наверняка сообщили боссу о нашем госте, едва тот приехал.

– Вы в порядке? – спросил папа, переводя взгляд с меня на Амо.

– Мы собираемся в спортзал, чтобы я побила боксерскую грушу Амо.

Серые глаза отца наполнились беспокойством.

– Что случилось с Джованни?

– Он придурок, – прокомментировал Валерио. – Он мне никогда не нравился, и я рад, что Марси его бросила. Ей нужен кто-то крутой.

– Спасибо за совет по отношениям, – отшутилась я. – В следующий раз сначала познакомлю своего парня с тобой.

– Амо? – спросил папа с ноткой нетерпения в голосе.

– Ничего не случилось, – твердо проговорила я. – Джованни хотел получить второй шанс, а я ему отказала. Затем он заявил, что мне не следует присоединяться к делам Семьи, поскольку я никогда не буду страдать ради нашего дела, как мужчины. – Я пожала плечами. – Ничего особенного.

Гнев исказил лицо отца.

Валерио подошел ко мне.

– Некоторые из моих друзей такого же мнения, но я надрал им задницы и сказал, что ты нереально классная, и теперь они мне верят.

Я взъерошила его белокурую гриву.

– Я и правда очень везучая девушка, раз у меня такие верные и жестокие братья.

– Я разберусь с Джованни и другими парнями, которые тебя обижают.

– Я сама покажу им, на что способна, пап.

Отец рассеянно кивнул, вероятно, составляя список людей, которых накажет. Но от этого они не станут уважать меня больше, чем сейчас.

– Могу я поговорить с тобой после тренировки? – уточнила я.

– Я буду в кабинете, приходи туда.

– Можно мне с вами? – спросил Валерио, когда мы с Амо направились в подвал.

– Конечно, но мы хотим потренироваться: тебе лучше надеть спортивную форму, – сказала я.

– Я быстро! – крикнул Валерио, мгновенно развернувшись и бросившись к лестнице.

– Он похож на белку на стероидах. Откуда у него столько энергии? – проворчал Амо.

Усмехнувшись, я последовала за Амо в спортзал.

Брат показал мне, как правильно бить по груше. Сначала все выглядело легко, однако вскоре костяшки пальцев заболели. Валерио влетел в спортзал: худощавый, высокий и с взлохмаченными волосами. Вскоре мы уже смеялись, пока по очереди пинали и мутузили боксерскую грушу. Амо в кои-то веки отнесся к тренировке не слишком серьезно.

Поднявшись наверх спустя некоторое время, я направилась к кабинету отца и впервые за долгое время почувствовала себя самой счастливой на свете. Сегодняшний день опять стал доказательством того, что я выживу в любой ситуации, пока у меня есть семья.

Постучав в дверь, я зашла в кабинет.

Отец натянуто улыбнулся.

– О чем ты хотела поговорить, принцесса?

– Хочу услышать твоё честное мнение о том, как я могу заслужить уважение солдат и по-настоящему стать частью Семьи. Работать спустя рукава не получится, теперь я понимаю.

– Они не будут считать тебя частью Семьи до тех пор, пока ты официально не станешь ее членом.

– Тогда позволь мне принести клятву.

Отец покачал головой.

– Тебе надо порезать ладонь и сделать татуировку.

Я приподняла брови.

Папа метнул взгляд к моему уху без мочки, на секунду в его глазах блеснул страх, после чего он резко выдохнул.

– Лучше бы я сам убил Эрла. Ты точно не хочешь, чтобы я убил остальных Уайтов?

Грея и... Мэддокса. Мужчину, который продолжал всплывать в мыслях без приглашения. Его смерть не изменила бы этот расклад.

– Да, уверена, – непреклонно сказала я, шагнула к папе и обняла его за шею. – Может, твоим людям нужен широкий жест, который продемонстрировал бы, что мне хочется быть частью Семьи, а ты в свою очередь потребуешь от меня определенных действий. Я согласна порезать ладонь, пап. Особенно после того, что пережила в «Тартаре».

– Поскольку ты заполучила тату от ублюдков «Тартара» из-за меня, я не желаю, чтобы ты вновь терпела боль.

– Теперь все будет на моих условиях, я порежусь собственным лезвием.

– Тем не менее это будет мучительно.

– Я справлюсь, – уверенно настаивала я.

– Не сомневаюсь. – Папа дотронулся до моей щеки. – Однако не хочу, чтобы тебе делали татуировку перед толпой похотливых мужчин. К тебе всегда будут относиться по-другому, тату ни имеет значения.

Я знала, когда стоит закончить разговор.

– Когда я смогу принести клятву?

Папа покачал головой, ухмыляясь.

– В течение месяца мы проводим посвящение четырех мальчиков, но если ты не против, чтобы твоё посвящение было индивидуальным, тогда...

– Нет, пусть меня посвятят на глазах у всех остальных.

Папа кивнул.

– Ты выбрала трудный путь. Я рад, что ты не будешь обременена еще и Уайтом.

Глава 3

Мэддокс

Мне потребовалось два дня и несколько тысяч долларов в качестве взятки, чтобы узнать, где находится Грей. Старые знакомые отнеслись ко мне с опаской, чего и стоило ожидать, и не хотели предоставлять информацию, оказав мне услугу. Я чудом покинул последний бар для байкеров живым, зато обзавелся информацией о новом убежище Гуннара. Слухи о том, что я стал предателем, доходили до людей быстрее, чем я предполагал.

Каким-то образом все постепенно узнавали, что я убил Эрла. Сначала сведениями располагали лишь очень немногие, но кто-то, очевидно, проболтался: наверняка в надежде, что меня быстренько прикончат.

У меня была парочка подозрений. Лука, скорее всего, позволил мне уйти, поскольку Марселла попросила его об этом, кроме того, он предпочел бы, чтобы я никогда не возвращался к ней. Он хотел моей смерти. Я не сомневался. Никогда бы не подумал, что он такой подлый тип, но на земле наступили отчаянные времена...

Разумеется, он оказался не единственным, кто знал, что я пришил Эрла. Маттео, Амо, Марселла и Гроул как минимум... возможно, еще кое-кто из солдат Луки. Кроме Марселлы, каждый из них мог позволить новости просочиться: мафии было выгодно избавиться от меня.

Хижина, в которой прятался Гуннар с другими байкерами, не была обнесена забором, как территория нашего последнего клуба, но это не означало, что она не защищена. Гуннар любил расставлять мини-ловушки. Этому он научился во время службы в армии, а позже усовершенствовал навык для выживания.

Я припарковал мотоцикл на грунтовке, ведущей к хижине. К ней вели три дороги со следами от шин, глубоко врезающихся в землю, которые явно появились здесь уже давно. Понятно, что люди делают столько отступных путей, только если им грозит опасность.

Проблема заключалась вот в чем: я не верил, что все дороги были в равной мере надежными. Складывалось ощущение, что на одной имелись ловушки и спрятаны самодельные бомбы, жаждущие разорвать меня на куски.

Я изучил землю справа и слева от грунтовой дороги, надеясь уловить хоть какой-то намек, что останусь невредимым. Но трава скрывала от глаз любые признаки человеческих следов и бомб. Не говоря уже о том, что я никогда не был хорош в таком поиске. Это работа Грея. Лучшим вариантом будет выбрать определенный маршрут на грунтовке и надеяться на лучшее.

Я встал на носки, чтобы лучше рассмотреть хижину. Через какое-то время заметил крышу грузовика. Если Гуннар и его друзья ездили на машине, то, скорее всего, они использовали этот путь, чтобы добраться куда надо, соответственно, только внешние тропы были безопасны. Если, конечно, они не сворачивали к проселку, о котором мне неизвестно, или грузовик вообще простаивал... но отсюда я даже не мог разглядеть, в рабочем ли он состоянии.

Сделав глубокий вдох, я завел мотоцикл, собираясь поехать по крайней левой дороге, когда раздался чей-то голос:

– Будь я на твоём месте, не выбрал бы этот путь.

Я вскинул голову, широко раскрыв глаза. Как только я заметил Грея, то улыбнулся. Однако он не выглядел счастливым. Брат по-прежнему носил жилетку «Тартара», и в моей груди все сжалось.

Ещё не так давно я никуда не выходил без клубной жилетки, лишь снимал её перед сном и иногда во время секса, хотя большинству девушек нравилось видеть её на мне.

Позади Грея появился недовольный Гуннар. Даже со своего места я увидел огромную шишку у него на лбу – со стороны виска, куда я его ударил.

– Что ты здесь забыл, Мэддокс? Тебе не рады.

– Я пришёл с миром. Нам надо поговорить.

Грей покачал головой. Я не знал, верил ли он, что я пришёл с миром, или же вообще не хотел со мной общаться.

– По слухам, теперь ты один из подручных Витиелло, Мэд. Убивать байкеров – твоё новая работа. Вряд ли я захочу, чтобы ты находился рядом со мной или моими друзьями! – крикнул Грей, скрестив руки на груди.

– Если бы я собирался тебя убить, то сделал бы это ещё на территории клуба. Я не хочу, чтобы кто-то из вас умирал, и я не один из подручных Витиелло, понятно?

Им не нужно быть в курсе, что моя будущая работа связана с поимкой сторонников Эрла.

Грей опять покачал головой, прошептав что-то Гуннару. Меня сводило с ума, что я находился слишком далеко, чтобы слышать, о чём он говорит.

– Могу я подойти?

Гуннар угрожающе наставил на меня палец.

– Бросай оружие и не пытайся нас надурить, Мэд. Раньше ты мне нравится, но я убью тебя и не дрогну.

– Я сейчас брошу... – Вытащив пистолет из ботинка и нож из-за ремня, я положил их на землю для наглядности. Несмотря на случившееся, я до сих пор с доверием относился к этим двоим. Вероятно, глупая ностальгия. – Готово.

– У наших друзей в хижине чешутся руки, чтобы...

– Ясно, – перебил я Гуннара. – Я облажаюсь, и ты меня пришьёшь. Но клянусь, я буду вести себя хорошо.

– Чего стоит твоё клятва? – крикнул Грей. – Ты лжец и обманщик.

– Выбери левую тропу, – сказал Гуннар. – Центральная – не лучший вариант.

Я взглянул на Грея, который предупреждал меня насчёт тропы, а затем – на Гуннара.

– Мальчишка немного злится на тебя, потому что ты прикончил его старика, – объяснил Гуннар.

Грей развернулся и удалился прочь, предоставляя мне право выбора. Мы с Гуннаром были на многих заданиях. Он мне нравился больше остальных. Но Грей – мой брат и вспыльчивый подросток, потерявший отца и клуб.

– Черт, – выругался я. Сделав ещё один глубокий вдох, я выбрал левую тропу и завел байк. Сердце забилося, как у дикой лошади, когда колеса коснулись дороги.

Почти весь путь, который я проделал на байке, я не дышал. Гуннар ждал меня с пистолетом в руке.

Затормозив, я разразился смехом, испытав огромное облегчение от того, что не был разорван на мелкие кусочки.

– Выключи двигатель, – приказал Гуннар, приставив пистолет к моей голове.

Я подчинился, подняв руки с ухмылкой на лице.

– Да ладно тебе, Гуннар. Мы не враги. У меня против тебя ничего нет. Я тебя не убил. И ты не убил меня. Мы квиты.

– Ты разрушил клуб, – буркнул Гуннар, ткнув пальцем на эмблему «Тартара» на своей груди, – или ты забыл?

– Ничего подобного. Эрл разрушил его, когда начал истязать Марселлу. Он все испортил и сбился с пути. Ты знаешь это, как и многие «Кочевники». Вот главная причина, по которой в первую очередь они покинули клуб.

Гуннар оглядел меня.

– Я не буду говорить, что тебе сначала следовало посоветоваться с Эрлом: ведь мы оба понимаем, чем все закончилось. А ты мог бы выставить себя на голосование на должность нового президента.

– Большинство мужчин, выбравших клуб, были преданы Эрлу. Вот почему они не стали «Кочевниками». Я бы не выиграл, да и Эрл непременно убил бы меня. В конце концов, он хотел моей смерти. Он первый пытался пришить меня, я не жалею, что расправился с ним.

Гуннар пожал плечами.

– Отделение также уничтожено.

– Ну и что? Ты и другие «Кочевники» можете восстановить и развивать ценности клуба. Братство и свобода. Никаких грязных денег, мести и наркотиков.

Часть изначального отделения «Тартара» до сих пор размещалась в Техасе, а несколько маленьких филиалов было разбросано по Восточному побережью.

Но сердце «Тартара» находилось именно там, где был Эрл, и люди последовали за ним из Техаса в Джерси.

– И кто должен стать президентом? Грей? – усмехнулся Гуннар. – Он еще мальчишка.

– Он слишком молод, – согласился я. – Ты можешь быть главой, пока Грей не будет готов.

Гуннар улыбнулся.

– Я не лидер. Не хочу указывать парням, что делать. Я просто люблю ездить на байке и проводить время с братьями. И больше ничего.

– Тогда выберите кого-нибудь другого. Что насчет Роланда? У него хорошие связи, и он всем нравится.

Роланд был одним из последних, кто стал «Кочевником». Мы неплохо ладили.

– Точно, тут ты прав. Но ты когда-нибудь видел президента, который заслужил уважение банды байкеров, будучи хорошим?

Я кивнул на пистолет в руке Гуннара.

– Как насчет того, чтобы убрать его? Как я и сказал, я пришел с миром. Ты не тот человек, на которого я точу зуб.

– Ты все еще отслеживаешь цель?

– Нет, но я не упускаю из виду сторонников Эрла. Мне не нужны проблемы, но я не буду ждать, пока они постучат в мою дверь.

– Хочешь сказать, в дверь твоей подружки?

Я не подтвердил его слова, но и не опровергнул, однако Гуннар засмеялся.

– Черт, она крепко держит тебя за яйца.

– Как и Барб – тебя.

Гуннар пожал плечами.

– Барб знает свое место в жизни клуба. А твоя девчонка – нет. Тебе пришлось отказаться от жизни, к которой ты привык, – от того, чему ты поклялся следовать. Она не станет твоей старушкой.

– Она та, кто она есть. Как и я, Гуннар. Мы можем остаться теми, кто мы есть, и быть вместе.

– Уверен? Не представляю, как ты будешь трахать кого попало и развезжать на байке целую ночь напролет, будучи мальчиком на побегушках ее старика.

– Я не буду чьим-то парнем на побегушках, а ты давно никого не трахал, кроме Барб.

Гуннар поднял средний палец.

Я знал, что он говорил правильные вещи. Жизнь кардинально поменяется, как только мы с Марселлой будем парой. Она уже стала другой в тот момент, когда я предал клуб и убил Эрла. Я не представлял, что из этого получится, как все будет выглядеть через пять лет, но знал одно – я хочу быть с Марселлой.

Однако эта мысль еще шокировала меня, я не думал, что такое когда-либо произойдет. Но Марселла и впрямь изменила все, даже меня в какой-то степени.

– Ты мог бы возглавить новый «Тартар», ты в курсе? – тихо спросил Гуннар, удивив меня.

– Ты же сказал, что я уничтожил почти все, чем был «Тартар», и не только убил Эрла, но и погубил клуб байкеров. Не думаю, что получил бы много голосов, если бы выставил себя в качестве президента. Они бы повесили меня на соседнем дереве.

– Возможно, или же ты мог бы убедить их, что хочешь воссоздать нечто лучшее.

Усмехнувшись, я слез с байка.

– Гуннар, ты держал меня на мушке, потому что не доверял. А парни знают меня хуже, чем тебя, зато до них долетели слухи, что я убил Эрла и предал клуб. Они не станут меня слушать, просто выстрелят, а я даже не смогу винить их.

Гуннар хмыкнул.

– Я бы мог отдать тебе свой голос. Мне не по нраву, каким способом ты со всем разобрался, как и то, что ты неровно дышишь к итальянской принцессе, но ты был бы прекрасным президентом.

Я промолчал. Мне всегда хотелось стать президентом «Тартара». Долгое время я отгонял эти мысли в сторону, ведь Грей являлся законным наследником Эрла, а сейчас не время о чем-то таком размышлять.

Оказаться президентом мотоклуба, тем более «Тартара» с его историей, и вместе с тем быть мужчиной Марселлы (а я чертовски сильно хотел стать ее мужчиной) – это просто невозможно.

– Подумай. У нас есть девушки и посимпатичнее. Пожалуй, даже красивее итальянской принцессы.

Я с сомнением посмотрел на Гуннара.

Он помялся.

– Ну, может, не настолько красивые. Но тоже хорошенькие.

Я шагнул к Гуннару и похлопал его по спине.

– Спасибо. Но дело не только в ее внешности. Марселла – королева, которой, как выяснилось, мне не хватало. Больше не существует той, кому я позволил бы водить себя за яйца. – Я взглянул на хижину и заметил трех мужчин, наблюдающих за нами через покрытое грязью оконное стекло. Готов поспорить, каждый из них держал в руке пистолет.

– Грей там?

– Внизу по холму течет ручей. Грей ходит туда, когда ему нужно поразмыслить. – Гуннар задержал меня, положив руку на плечо. – Мальчишка только что потерял отца, а также брата.

– Меня не потерял.

– Еще пару минут назад он не знал – как наверняка не знает и сейчас. Ты мог быть его врагом. Может, я дурак, раз считаю, что ты мне не враг.

– Я тебе не враг, Гуннар, и уж конечно – не Грею.

– Тогда скажи ему. Мальчик растерян.

Я подавил чувство вины. Принятые решения повлияли на меня и коснулись и Грея.

– Проследи, чтобы парни не продырявили мне голову, ладно?

Я спускался по неровной тропинке, проходящей через лес, идя на шум стремительного потока воды. Грей сидел на массивном камне, курил сигарету и глядел на ручей.

Грей не поднял взгляд, хотя и слышал мои шаги. И все же напрягся. Вблизи он казался изнуренным и сильно похудел за те дни, что мы не виделись.

Я молча остановился позади него. Мне хотелось, чтобы он первым начал разговор, тем самым облегчив задачу. На этот раз трусом был я, но ощущение вины заставляло меня чувствовать себя неловко.

В конечном счете я откашлялся. Грей выбросил сигарету. Он выглядел старше, чем я помнил, на левой щеке красовался свежий порез.

– Ты что-нибудь скажешь? – спросил я.

По-прежнему – тишина.

– Может, объяснишь, почему ты хотел меня убить, предложив проехать по дороге с минами?

Должен признать, было чертовски больно думать, что Грей хотел меня прикончить. Он ненавидел меня настолько, что пожелал увидеть, как сводного брата разорвет на куски. Но, возможно, не стоило удивляться.

– Поклянись, что не убивал нашего отца, – прошептал он.

– Он был твоим отцом – и не очень-то хорошим.

Глаза Грея расширились от осознания.

– Ты в самом деле убил его! – Грей вскочил на ноги и толкнул меня в грудь, заставив попятиться. – Ты убил нашего отца, – повторил он.

Я поднял руки. Я не собирался драться с Греем.

– Он был не тем человеком, которому мы оба могли бы доверять.

– Ну и что? Он взял тебя в свой дом и вырастил, а ты предал и убил его.

– Нас воспитала мама, а Эрл сделал нас частью «Тартара». Для него мы были больше солдатами, чем сыновьями, и ты в курсе.

– Ты не имел права убивать его! – Грей отвернулся, сердито вытирая глаза.

Он был еще мальчишкой во многих отношениях. В нем нет жестокости, которой обладал я или Эрл. У Грея – доброе сердце. Пожалуй, со временем это изменится, особенно если он продолжит жить жизнью мотоклуба, но я не хотел, чтобы он был таким, как мы.

Почему-то я представлял, что Грей станет музыкантом и будет выступать в маленьких клубах со своей гитарой, распевая банальные песни о любви милым девочкам из провинциальных городков.

– Либо я пришил бы его, либо Лука Витиелло. Ты правда предпочел бы, чтобы он умер от рук этого безумца?

Вряд ли я смог бы убить Эрла легко, будь ситуация иной. Несмотря на неприязнь друг к другу и его попытку скормить меня собакам, он считался отцом большую часть моей жизни.

– Он бы не умер, не сообщи ты Витиелло о нашем местонахождении. Ты предал нас и клуб. И меня.

Я впервые понял, что Грей не только зол и расстроен, но и пострадал от моих действий. Его глаза наполнились болью. Я попытался коснуться его плеча, но он отшатнулся, и я опустил руку.

– Тебе известно, почему я так поступил. Я объяснял. У меня и в мыслях не было предавать тебя, Грей. Ты ненавидишь то, что мы сделали, столь же сильно, как и я. Ты – не из тех, кто причинил бы боль невинной девушке. Но Эрл не желал прислушиваться к голосу разума.

Грей опустил на камень, прикурив другую сигарету.

– Найдется для меня? – спросил я. В заднем кармане лежало достаточно курева, но мне хотелось увидеть реакцию Грея.

Он протянул пачку, не проронив ни слова. Я взял сигарету, и Грей дал мне зажигалку.

– Я не хотел, чтобы ты подорвался, – пробормотал он.

Я выгнул бровь, сомневаясь.

Грей пожал плечами.

– Я был уверен, что ты меня не слушаешь – как и все остальные.

– Я бы послушал, если бы Гуннар не вмешался.

– Я бы тебя остановил.

Я решил ему поверить. Ситуация между нами уже достаточно запутана. Мне не хотелось подливать масло в огонь.

– Что случилось с твоей щекой?

– Я защищал тебя. Когда парни начали говорить, что ты угробил Эрла, я вступил в драку. Вытащил нож. Они тоже, и один из них порезал мне щеку.

– Повезло, что тебя не прирезали. Бои на ножах – не твой конек, Грей.

Он впился в меня взглядом.

– Не стоило тебя защищать. Я совершил ошибку. В итоге они оказались правы. Ты убил его. Я считал, итальянцы распускают слухи для того, чтобы тебя тоже пришили.

– Тебе известно, кто их распустил? – спросил я.

Грей отрицательно покачал головой.

– Я держался подальше от мафии. В любом случае я не стал бы ничего принимать за чистую монету. Как и слова Роланда и других парней, когда они рассказали мне об этом. Им наверняка известны имена.

Я должен с ними поговорить. Мне необходимо найти стукача, который желал моей смерти. Впрочем, список становился все длиннее и длиннее с каждым днем.

Грей встретился со мной взглядом, в его глазах промелькнул укоризненный блеск.

– Что тебе надо? Тебе здесь не рады. Половина «Тартара» хочет получить твою голову. Сомневаюсь, что ты приехал, чтобы повидаться со мной.

– Но это правда. Я волновался за тебя, – ответил я.

Грей усмехнулся.

– Я сбежал от мафии. Я смогу выжить один.

– Знаю. – Я вынул изо рта сигарету, которая почти догорела. – А что хочет другая часть «Тартара»? – спросил я с любопытством.

Грей сердито на меня посмотрел.

– Они допускают, что Эрла следовало осадить, и думают, что именно это ты и сделал. Но они опасаются тебя из-за итальянцев. Ты и впрямь работаешь на них?

– Не на них, но с ними, чтобы отыскать тех байкеров, которые по-прежнему верны Эрлу и намерены завершить то, что не сумел доделать он. Я защищу Марселлу любой ценой.

Грей скривил губы.

– Все говорят, что она держит тебя за яйца, потому что хочет использовать.

– У Марселлы нет причин использовать меня. Когда ее отец спас меня, она могла бросить меня, как ненужную вещь, однако позаботилась о том, чтобы я был в безопасности.

– Ты ее любишь?

Я размышлял над этим даже после того, как сказал ей о том, что чувствую. Никогда раньше я не говорил девушке ничего подобного, да и не знал, как понять, когда вы пересекаете грань между влюбленностью и настоящей любовью. Но думаю, отказаться от жизни, к которой привык, ради кого-то было неплохим показателем.

– Люблю.

Грей кивнул.

– Гуннар в курсе, кто распространил слухи? – Мне хотелось сменить тему. Как-то странно говорить с Греем о чувствах, особенно о любви. Я предпочитал держать эмоции и мысли при себе.

– Как и я, Гуннар предпочитает быть подальше от итальянцев. Ему едва удалось спастись. Меня удивило, что Гуннар выбрался живым. Но должен признать, его одержимость тренировками, вероятно, пригодилась ему.

– Как по-твоему, мне точно опасно заводить разговор с парнями в хижине, чтобы выяснить, готовы ли они поделиться со мной кое-какой информацией?

Грей кивнул.

– Гуннар всерьез злится на тебя, если тебе вдруг интересно. Во всяком случае, посильнее, чем другие. В общем, если тебя кто-то и убьет, то именно он.

Гуннар не выглядел враждебно настроенным, по крайней мере, не больше, чем стоило ожидать. Будь я на его месте, тоже бы злился.

– Кто те ребята с Гуннаром? По его словам, Роланд здесь.

– Роланд вернулся сегодня утром после выполнения парочки поручений. Нам нужны были деньги, а остальные – обычные парни, которые покинули клуб сразу после того, как Эрл начал жаждать мести. Ричи, Курт. И еще Бин.

Я помнил каждого, однако не разговаривал с ними целую вечность.

– И никто из них не хочет пустить мне пулю в лоб?

– Послушай, если Гуннар тебя пока не убил, то и они, скорее всего, не станут. Среди нас нет людей, мечтающих прямо сейчас о твоей смерти. Но у Эрла по-прежнему много сторонников, особенно в Техасе. Они наверняка попытаются прикончить тебя и Марселлу. Ты можешь мне не верить, но я бы никогда тебя не предал, – пробормотал Грей. – Можешь уйти, если думаешь, что я заманиваю тебя в ловушку.

– Я доверяю тебе, Грей, – возразил я, но, если честно, почувствовал настороженность. Возможно, просто из-за своей подозрительности. – Ты должен уехать отсюда со мной. Я могу отвезти тебя к маме. Она переживает.

– Нет, Мэддокс. Мне некуда возвращаться. И я уже взрослый, чтобы снова жить с мамой.

Я не стал уточнять, что ему семнадцать и формально положено жить с матерью. У нас обоих никогда не было обычной семейной жизни, почему бы не начать сейчас?

– Ты мог бы не отказываться... – Но я даже не знал, где буду жить.

Мне негде остановиться. Выбрать одно из старых отделений «Тартара» – чересчур рискованно. У меня имелись деньги, но найти жилье в городе не вариант, да и заняло бы слишком много времени. И я сомневался, что Лука позволил бы мне спать в комнате Марселлы.

От последней мысли я едва не расплылся в улыбке, хотя спустя миг осознание того, что я и впрямь собирался жить с Марселлой под одной крышей, напугало меня до полусмерти. Черт, дело принимало серьезный оборот. Долго ли это продлится, учитывая определенные трудности с семьей Белоснежки?

– Я и близко не подойду к итальянцам, – добавил Грей.

– Держись подальше от неприятностей, хорошо?

– Думаю, тебе стоит прислушаться к собственному совету. Тебя хотят убить больше людей, нежели я.

Я горько усмехнулся.

– Я намерен выяснить, кто они такие, и устранить максимум из них.

Глава 4

Мэддокс

Мы с Греем вернулись в хижину. Сводный брат зашел первым, исчезнув из виду на пару минут. До меня донеслось тихое бормотание, а после на пороге вновь появился Грей. Он кивнул мне, и я последовал внутрь.

Бин, Курт, Ричи, Роланд и Гуннар сидели за грубым деревянным столом, на котором стояли бутылки с пивом. Парни проследили за мной взглядом, когда я опустился на свободный стул.

– У тебя есть яйца, раз ты пришел сюда после того, что сделал. А я думал, принцесса Витиелло крепко держит тебя за них, – сказал Бин, усмехнувшись и продемонстрировав черноту на месте отсутствующего переднего зуба.

Эрл выбил его и запретил Бину вставлять новый. Он должен был оставить щель как напоминание. Вскоре после этого, примерно два года назад, Бин стал «Кочевником», хоть и навещал нас.

– Она делает так в особых случаях, – ответил я, пожав плечами.

– Ты уверен, что она их не отрезала? – спросил Ричи.

Я указал на бутылку пива.

– Могу я взять? Бредовый разговор пробуждает желание выпить.

Гуннар подавил ухмылку и протянул мне бутылку.

– Продолжай. Но мы оба знаем, что ты здесь не ради любезностей и восстановления старых отношений, верно, Мэд?

– Хочу кое-что прояснить: я не имею ничего против вас. Я не охочусь за вашими головами, но при условии, что и вы не охотитесь за моей или Марселлы. Если вы не собираетесь причинить боль моей женщине, то я, мать вашу, вас не трону.

Ричи грохнул бутылкой об стол.

– Шестеро против одного, Мэд. У тебя стальные яйца, раз считаешь, что выживешь, если пойдешь против нас. У тебя даже нет оружия.

– С тобой я справлюсь. В последние несколько лет большинство из вас просто бездельничали. – Я замолчал: не был настолько самоуверен, чтобы думать, что сумею одолеть их всех сразу. – И кто сказал, что я один? Теперь я работаю с мафией, не забываете.

Роланд усмехнулся.

– Похоже, кто-то из итальянцев жаждет твоей смерти, Мэд. Сомневаюсь, что ты выбрал правильную сторону.

– И кто же? По слухам, ты говорил с людьми, которые хотят моей смерти.

– Не я, Мэд. Я стараюсь избегать людей Витиелло.

Гуннар косо взглянул на свою бутылку. Я прищурился.

– Это был ты?

Он вздохнул.

– Я столкнулся с тем мальчишкой-переростком примерно спустя пару дней после побега. Я еще был не в себе и достаточно глуп, чтобы спрятаться на одном из наших старых складов. Удар по голове сбил меня с толку.

– Мальчишка-переросток? Ты имеешь в виду Амо?

Гуннар кивнул.

– Ага. Пацан догнал меня вместе с другим парнем, и я был уверен, что они тут же меня прикончат, но гаденыш... в общем, Амо рассказал мне, что ты убил Эрла и теперь охотишься за другими членами «Тартара».

– И тебе нечем было больше заняться, кроме как распространять информацию?

Гуннар впился в меня взглядом.

– Ты ведь не надеялся на мою преданность? Я был чертовски зол в первые дни, когда у меня болела башка, и я не знал, что ты позаботился о Грее, раз он выбрался оттуда живым. Я рассказал лишь одному или двум парням, а они, видимо, разболтали остальным. Но я не удивлюсь, если мальчишка Витиелло сообщил новости еще нескольким байкерам. Похоже, он точит на тебя зуб.

– Вероятно, ему не нравится мысль о том, как ты погружаешь свой уродливый член в рот и киску его сестры, – сказал Бин, ухмыляясь.

Я ударил его. Он вскрикнул и зажал рот. На меня сразу же направили несколько пистолетов.

Я поднял ладони.

– Не смейте оскорблять мою женщину.

Роланд покачал головой.

– Ты пытаешься сделать невозможное возможным, Мэд. Я дам тебе совет: беги от Витиелло, пока еще способен. Лучше жить с воспоминаниями о нескольких ночах с избалованной принцессой, чем умереть в тот момент, когда она потеряет к тебе интерес.

Все кивнули.

– Я пришел сюда не за советом по поводу отношений, особенно от вас, ребята. Мне требовалась информация, и я ее получил, спасибо. – Я встал. – Вы собираетесь восстанавливать «Тартар»?

Роланд и Гуннар переглянулись.

– Как только найдем президента.

Грей открыл было рот, но тут же закрыл, скрестив руки на груди.

– Удачи, – добавил я напоследок. – Мне пора возвращаться.

– К итальянцам? – насмешливо спросил Бин.

– К своей женщине.

Я сжал плечо Грея.

– Позвони мне, если понадобится помощь, хорошо?

Грей встретился со мной взглядом и кивнул. Я надеялся, что брат примет мою поддержку.

– И навещай маму время от времени. Она волнуется.

Гуннар встал и последовал за мной.

Мы вышли из хижины.

– Сейчас у тебя больше врагов, чем друзей, Мэд. Убедись, что знаешь, кто есть кто. Ты принадлежишь этому месту. Наверное, у тебя не займет много времени, чтобы все осознать. Благодаря такому умному лидеру, как ты, мы могли бы восстановить то, что уничтожено.

Я натянуто улыбнулся.

– Вы справитесь и без меня. – И я зашагал к байку.

Я не мог отрицать, что, возможно, буду скучать по прежней жизни. По чувству безудержной свободы и братству, которое сложилось в первые годы после моего вступления в ряды членов «Тартара». Я мало что знал о мафии, но тот уклад Семьи, о котором я уже имел представление, вроде бы кишел старомодными традициями и лицемерными правилами.

Я не понимал, смогу ли вписаться в такой мир, но ради Марселлы я попытаюсь.

А сначала, прежде чем думать о работе с кланом, не говоря о том, чтобы попытаться влиться в семью Марселлы, мне надо серьезно поговорить с Амо, мать его, Витиелло.

Марселла

Чтобы отвлечь меня от случившегося, мама организовала «девичий спа-день». В последний момент она записала нас в любимый салон красоты на маникюр и массаж.

– Скоро все станет как раньше. Ты забудешь о проблемах, – сказала мама с доброй улыбкой.

Но жизнь уже никогда не будет беззаботной, и я не стану прежней. В этот раз мы не вошли в салон через парадный вход, как обычно, а прокрались через служебный – с натянутыми на голову толстовками, как преступницы, дабы избежать любопытных взглядов.

К этому времени пресса уже пронюхала о моем спасении, и поскольку адвокаты отца выпустили лишь короткое заявление без особых подробностей, сплетни стремительно множились. После просочившегося видео, на котором я была обнажена, все в стране заговорили о похищении Марселлы Витиелло.

Никто не смог хранить это в полной секретности, даже папа. И теперь все захотели знать о моем возвращении как можно больше.

Один из телохранителей прогнал папарацци, прятавшегося за мусорными баками, и разбил его несомненно дорогую камеру, а затем швырнул обломки в убегающего репортера. С этим, скорее всего, придется разбираться папиному адвокату.

Когда мы наконец сняли толстовки в спа-салоне, мама ободряюще сжала мою руку. В вестибюле пахло лимоном и мятой – знакомый аромат. Я уже потеряла счет тому, сколько раз мы с мамой проводили здесь «девчачьи дни».

– Рано или поздно пресса забудет о случившемся, Марси. Как и остальные. Они потеряют интерес. Нам просто надо залечь на дно ненадолго.

– То есть спрятаться.

Мама неуверенно посмотрела на меня.

К нам подошла Мэй – одна из сотрудниц. Она приветливо улыбалась, но я уловила любопытство в ее глазах. Она знала о произошедшем.

Забуть случившееся оказалось непросто.

Мне почти удалось расслабиться, пока парикмахер не попросила снять каффу, чтобы она могла как следует вымыть мои волосы для интенсивного увлажнения и ухода с целью придать прядям блеск.

– Она не может, – твердым голосом вмешалась мама. – Тебе следует быть осторожной.

Я сглотнула ком в горле. Расслабиться все же не получилось.

Следующий казус произошел, когда Мэй делала мне маникюр. Ногти были частично сломаны, а под некоторыми даже осталась кровь. Похоже, Мэй была не прочь задать вопросы, хотя и воздерживалась от них. Мама то и дело бросала в нашу сторону обеспокоенные взгляды, что было непривычно.

Последней каплей стал массаж.

– Снимайте одежду и устраивайтесь поудобнее, – сказала Мэй своим певучим голосом.

Я начала снимать халат, который надела в начале спа-дня, но мама предупреждающе коснулась моей руки. В ее глазах вновь появилась тревога.

– Наверное, сегодня мы пропустим массаж спины и сделаем упор на ноги, – обратилась она к Мэй.

Потребовалась пара секунд, чтобы понять почему. Из-за татуировки на спине.

Мэй застыла, как и я. Я опустила руку, оставшись в халате.

Мэй массировала только икры и ступни, как и попросила мама. Сеанс, конечно же, прошел великолепно, но я не смогла насладиться ни единым моментом.

Всю дорогу до дома я молчала и, даже когда мы оказались в особняке, не проронила ни слова.

Папа был дома, вероятно, потому, что мама ему написала.

Отец поцеловал меня в висок.

– Может, тебе стоит посидеть здесь несколько недель?

– Не хочу прятаться. Я не сделала ничего плохого, – отрезала я.

– Разумеется, так и есть, – сказала мама. – Ты ведь понимаешь, что мы защищаем тебя от общественности не по этой причине. Но тебе известно, какими могут быть люди.

– Им нужны сплетни, – прорычал папа. – Но лучше поискать их в другом месте.

– Я не собираюсь прятаться, – заявила я наконец. – Если не расскажу им свою версию, то они придумают какую-то другую историю. Чем дольше я прячусь, тем больше они уверены в том, что мне есть что скрывать, а последнее как раз указывает на чувство вины. Поэтому я не хочу скрываться!

Отец улыбнулся, его глаза зажглись восхищением и гордостью.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Через некоторое время у мэра Штайна состоится ужин, и я хочу там присутствовать. И я не намерена пробираться туда через черный ход или в толстовке, натянутой на лицо. Если папарацци хотят заполучить мое фото, то они его получают, но на моих условиях, как и раньше.

– Они попытаются поймать тебя в неожиданный момент, когда ты будешь наиболее уязвима. Возможно, даже сделают снимок твоего уха или татуировки, – мягко заметила мама, которая всегда старалась оберегать меня.

Я пожала плечами.

– Мне известны правила игры. Я сама играла с журналистами в течение многих лет, и они никогда не получали того, чего хотели. На все требовалось мое дозволение. И я не стану ничего менять. Они увидят татуировку, как только я изменю ее под себя, а насчет уха... – Я замолчала. Сложно отрицать, что очевидный изъяс меня не волновал. Я всегда стремилась к идеалу, меня хвалили за безупречную красоту, а теперь было нелегко привыкнуть к несовершенствам. – Я не собираюсь прятать ухо и буду с гордостью носить этот шрам, как все мафиози, ведь у меня появился знак, а в жизни есть ситуации, за которые стоит расплачиваться.

– Я никогда не был так горд тобой, как сейчас, – проговорил папа.

Мама поцеловала меня в лоб.

Я знала – они сильно беспокоятся о том, что я стану частью Семьи и подвергнусь еще большей опасности. Однако то, что они восхищались той женщиной, которой я становлюсь, было важнее всего на свете.

Глава 5

Мэддокс

Последнюю ночь перед возвращением в Нью-Йорк я провел в палатке на обочине дороги, глядя на ночное небо. Голова кружилась от множества мыслей. Сегодняшнее прощание с Греем заставило меня задуматься. Несмотря на «увидимся позже», складывалось ощущение, что это наша последняя встреча. Даже если бы мы продолжили поддерживать контакт, встречи стали бы редкими. Работа с Витиелло и статус изгоя в мире байкеров привнесло в мое существование новые трудности. Какое там воссоединение семьи...

Я стану скучать – и по нему, и по моментам из старой жизни, – но ничто не вызывало во мне такого сильного чувства, как желание вновь заключить Марселлу в объятия.

Но вместо того чтобы отправиться утром в «Сферу» для разговора с Витиелло или в особняк с целью увидеть Марселлу – если, конечно, мне бы позволили встретиться с ней без гребаного официоза, – я направился в приют для животных, надеясь наткнуться на Гроула. Оставалось загадкой, почему я почувствовал связь с не очень-то разговорчивым человеком. Наверно, потому, что и он был в прошлом врагом Витиелло и каким-то образом сумел стать частью его команды.

Подъехав к знакомой дорожке, я сразу заметил недавно установленные камеры наблюдения, прикрепленные к высоким столбам. Готов поставить свои яйца, что здесь установлены и детекторы движения, и я даже знал, по какой причине они внезапно появились. Из-за меня. Ну и, может, из-за другой части «фан-клуба» Эрла. Хотя точно – из-за меня.

Затормозив перед домом, я ухмыльнулся и помахал рукой, уверенный, что кто-то меня да увидит.

Когда я снял шлем и слез с мотоцикла, то обнаружил девушку с длинными черными волосами. Сердце забило от волнения. Черт. Я соскучился.

Марселла присела на корточки перед огороженной территорией, где Гроул держал ротвейлеров. Было неожиданно увидеть ее здесь – и невозможно описать поток эмоций, захлестнувших меня с головы до пят. Марселла повернулась на звук двигателя, и, как и в первый раз, когда я ее узрел, все внутри меня затрепетало. Сомневаюсь, что это когда-либо изменится. Не только из-за ее красоты, но еще из-за того, как она двигалась, держалась – и как огонь пылал в ее глазах. Проклятье.

Гроул, стоявший рядом, закрыл ее собой, а потом взял за руку, словно я представлял угрозу. Жест явно говорил о недоверии. Трудно сказать, удивился ли Гроул, заметив меня. И причастен ли он к распространению информации об убийце Эрла?

Марселла точно не была. Она высвободилась из хватки Гроула и бросилась ко мне. Я ухмыльнулся ее рвению, пока не понял, что она не выглядела счастливой. Она была чертовски рассерженной.

Черные волосы развевались на ветру, на ней были темно-синие джинсы, простая белая футболка и белые кроссовки, но даже увидев ее в обычной одежде, у меня перехватило дыхание.

Проблеск сомнения, который я чувствовал ночью по поводу всего, от чего уже отказался – и собирался отказаться – ради Марселлы, моментально испарился. Она того стоила.

Марселла застыла передо мной, в ее глазах сверкала ярость.

– Четыре дня от тебя ни слуху, ни духу!

Я потянулся к ней, жажда поцелуя, прикосновения, чего угодно, но она оттолкнула мою руку, как надоедливую муху, ее злость только усилилась.

– Ты сбежал. Я думала, ты ушел навсегда. Решила, ты наигрался со мной.

– Черт, Белоснежка, – пробормотал я. – Я, мать твою, убил Эрла ради тебя. Предал клуб ради тебя. А ты посчитала, что я забавлялся с тобой? Будь это так, я бы являлся наихудшим игроком, потому что ты выиграла все. Ты взяла большой куш.

Она всматривалась в мои глаза, пытаясь отыскать в них искренность. Ей еще следовало поработать над доверием ко мне, хотя, пожалуй, не ей одной. Нам обоим.

– Тогда почему сбежал?

– Хотел убедиться, что Грей в порядке. В последний раз, когда я видел брата, он смотался от твоего отца и его солдат незадолго до того, как меня вырубili.

– Почему ты не мог предупредить, что собираешься проведать брата? Я не понимаю, почему ты улизнул тайком. Согласись, выглядело подозрительно.

– Я не мог сказать тебе, куда собираюсь, поскольку кто-то обнародовал информацию о том, что я убил дядю. И пока я не узнаю, кто сдал меня, не могу рисковать, разбалтывая, что ищу брата. Это бы подвергло опасности и его, и меня.

Она усмехнулась.

– Мог бы сказать мне. Ты можешь полагаться на меня. Не я слила информацию, если это вдруг тебя так беспокоит.

Расстояние между нами сводило меня с ума. Я хотел прижать Марселлу к груди и уткнуться носом ей в шею.

– Я понимаю, что это не ты, и я тебе доверяю.

– Явно недостаточно. – Она отвернулась в сторону конуры, сжав пухлые губы и нахмутив темные брови.

Я стиснул зубы. Она права. Но и она до сих пор мне не особо верила.

– Почти всю нашу жизнь мы не знали друг друга, а большую ее часть вообще были врагами.

Поразительно, как сильно я рисковал ради женщины, которую увидел воочию совсем недавно, но в глубине души не сомневался, что сделал бы это снова.

Марселла способна взглядом заморозить ад. Она была не на шутку рассержена. Однако я полагал, что причина не только во мне.

– Кто? Кто слил информацию о тебе?

Я вздохнул. Я не готов к такому разговору. Марселла целиком и полностью предана родной семье, нападение на Амо не принесло бы мне дополнительных очков, но я не стал ей врать.

– Твой брат.

Она напряглась, незамедлительно помотав головой.

– Амо не пошел бы против приказа отца, а папа не позволил бы информации утечь. Твои данные фальшивы. Амо бы так не поступил.

Я приподнял брови. Я ожидал подобной реакции. Ее отношение к отцу незыблемо.

– Точно? По мне, у него есть все основания. И ему незачем бояться последствий. Твой отец никогда бы не убил Амо за проступок, как своих солдат.

– Но для чего ему... – Марселла задумалась. Конечно, она уже нашла сотню доводов, по которым ее брат и остальные члены Семьи хотели, чтобы мои старые приятели-байкеры узнали, что именно я убил Эрла.

С таким же успехом она могла бы приставить пистолет к моей голове. Долгие годы мы были врагами и до сих пор ими оставались. Я боялся, что мы будем ими еще какое-то время – даже если Марселла хотела другого.

– Я с ним поговорю, – решительно сказала она.

Я бы лично разобрался с Амо, однако в итоге мог всадить пулю ему в лоб. Наверное, будет лучше, если Белоснежка пообщается с братом. Незачем, чтобы Амо, мать его, Витиелло положил конец нашим с Марселлой отношениям.

Тем временем Гроул подошел ближе, и его настороженный взгляд дал мне понять: он готов вмешаться, если понадобится. Я ухмыльнулся, на что он, конечно же, ничего не ответил. Улыбка не входила в стандартный набор эмоций Гроула.

– Все думали, что ты сбежал, потому что хотел свободы, – заметила Марселла гораздо мягче.

– И ты тоже?

Марселла никак не отреагировала, лишь внимательно наблюдала за мной.

– У тебя когда-нибудь закрадывалась мысль об этом?

Я шагнул к ней. Черт. Мне необходимо прикоснуться к ней, иначе я сойду с ума.

– Даже если бы и закрадывалась, сейчас-то я здесь. Ты в моей душе и в сердце, и я уже не смогу без тебя.

Марселла покачала головой.

– Если ты думаешь, что быть со мной – означает потерять свободу, тогда, пожалуй, нам не надо быть вместе.

Она что, черт возьми, серьезно? Схватив ее за шею, я притянул ее к себе, страстно целуя.

На мгновение она прижалась ко мне, ее губы расслабились, приоткрываясь, приглашая внутрь, но затем она оттолкнула меня, ее взгляд был свирепым.

– Хочешь прощальный секс?

– Чушь собачья, Марселла. Я хочу проводить с тобой каждый день в жизни. Мне ничего больше не нужно. Неужели ты и правда считаешь, что секс стоит такого взгляда? – Я кивнул на Гроула, который глазел на меня, как на реальную угрозу, заставляя чувствовать себя в Семье «как дома».

Белоснежка все еще не выглядела счастливой. Казалось, она просто сильнее распалилась, если такое вообще возможно.

– Если мы не намерены расставаться, то ты должен понять: быть со мной – не значит лишиться свободы. Не собираюсь я быть твоими оковами. И ты должен мне все рассказать. Не врать, ни в коем случае не умалчивать.

– Я не врал! – прорычал я.

Гроул напрягся. Я усмехнулся. Как же он занервничал! Можно подумать, я способен причинить боль Марселле. Не перестань громила действовать мне на нервы, единственная кровь, которую я бы пролил, была бы его.

Она ткнула пальцем мне в грудь.

– Ты слинял, не поставив меня в известность.

– Да. И мне жаль, но это позволило мне уладить дела раз и навсегда.

Гроул теперь разговаривал по телефону. Не нужно быть ясновидящим, чтобы догадаться – его собеседником стал Лука.

– С твоим братом?

Я кивнул.

– С ним и парочкой братьев-байкеров.

Марселла с любопытством склонила голову.

– Разве они не видят в тебе врага?

– Они побаиваются меня, это уж точно, но они – «Кочевники». И покинули клуб именно потому, что им не нравились методы управления Эрла, так что они не пролили много слез из-за его смерти.

Гроул подошел еще ближе.

– Побеседуем? – Он указал на мой байк.

Марселла отступила, а я последовал за Гроулом.

– Тебе не стоило приезжать сюда. Сначала ты должен был посоветоваться с Лукой, особенно перед встречей с Марселлой.

Я хмыкнул.

– Я – не один из людей Луки и могу делать все что угодно. – Мой взгляд снова и снова возвращался к Марселле.

Она присела на корточки перед забором и болтала с ротвейлером, устроившимся напротив. Я не знал, почему не мог отвести взгляда, было ли дело в том, как джинсы подчеркивали ее округлую попку, или мягкое выражение лица Марселлы, когда она обращалась к собаке.

– Такие женщины, как она, не заслуживают слушать чушь ни от кого, они достойны наилучшего, – прохрипел Гроул, проследив за моим взглядом.

– Не надо повторять мне, что ей надо предоставить. У нее есть Семья. И теперь в ее жизни появился я.

– Моя жена заслуживала лучшего, когда мы встретились впервые, но я поработал над тем, чтобы стать достойным ее.

– Я как раз и планирую это делать, – ответил я. – И я помогу Марселле и клану Семьи.

Гроул посмотрел на меня с невозмутимым спокойствием.

– Тебе стоило явиться к Луке, прежде чем приезжать сюда. Если хочешь, чтобы тебя приняли, должен соблюдать правила.

– Забавно, что ты утвердишь о правилах, учитывая, что в клане есть люди, которые, похоже, их не соблюдают, так как информация об Эрле распространяется.

Выражение лица Гроула не изменилось. Если новость и удивила его, то громила не подал вида. Или, быть может, ему просто наплевать. Он смахивал на человека, заботящегося только о своих собаках и жене, о которой он упомянул.

– А теперь я вернусь к Марселле. Доложи Луке, если хочешь.

Он не задержал меня, но буравил взглядом, пока я шел к Марселле. Бдительные глаза Гроула прожигали во мне дыру.

Марселла на секунду подняла голову, и образ Белоснежки, сидящей на корточках, подарил мне поток мыслей, в которых прямо сейчас определенно не следовало нуждаться.

Я присел рядом с ней.

– Это Сатана?

У собаки были знакомые шрамы, она смотрела на меня глубокими карими глазами.

– У нее теперь новое имя. – Марселла задумалась. – Мне не нравилось звать ее Сатаной.

– Собаки привыкают к кличкам.

Марселла пожала плечами.

– Ей пришлось по нраву новое имя. Я выбрала Сантана, потому что оно созвучно со старым, но зато все будут знать, что она девочка.

Я ухмыльнулся. Ну конечно. Вряд ли собаке есть дело до того, какого рода ее кличка. Тем не менее забота Марселлы о ротвейлере поразила меня.

Белоснежка встретила со мной взглядом.

– Почему ты так на меня смотришь?

Было заметно, что она постепенно оттаивает по отношению ко мне, хотя еще немного злится и, возможно, малость сбита с толку из-за брата.

– Я скучал по тебе, по твоему прекрасному лицу и даже по сердитым глазам, но больше всего – по ощущению твоих губ. – Я лукаво улыбнулся, но она лишь приподняла брови и толкнула меня, даже не моргнув.

Черт. Эта девушка могла быть настоящей снежной королевой.

Я перевел взгляд с Марселлы на ротвейлера. Я вырос с собаками этой породы, но не научился с ними обращаться.

– Ты и впрямь хочешь такую собаку?

– Гроул знает, как социализировать их. Мне сложно объяснить, но я чувствую странную связь с ней. Сантану тоже заперли в клетке, и поначалу мы не особо ладили друг с другом.

– Напоминает нашу историю любви.

Марселла возмущенно уставилась на меня, однако не отрицала сказанное про любовь. Долгое время мы просто смотрели друг на друга.

– Как странно быть вместе в этом мире...

Я кивнул, поскольку думал то же самое, и махнул рукой на Сантану.

– Если ты правда хочешь взять ее, то я могу забрать, как только найду жилье. Ты сможешь приходить в гости либо вообще переехать. – Я вздрогнул от собственных слов. Не верилось, что я предложил жить вместе.

Марселла подавила улыбку и нахмурилась.

– Звучит здорово: ты заберешь Сантану к себе. Но с переездом и прочими вещами... наверное, стоит подождать. Надо дать Семье привыкнуть к тебе и особенно к нашей связи. – Она замолчала. – Впереди нас ждет долгий путь. То, что произошло... боюсь, случившееся может повлиять на наши отношения. Мы еще не полностью доверяем друг другу, нам предстоит преодолеть много трудностей. – Она тихо вздохнула, сейчас она выглядела чуть ли не напуганной.

Обхватив ее лицо ладонями, я наклонился над ней.

– Я хочу быть с тобой, Марселла. Мне ничего больше не нужно. Черт, я думаю о тебе каждую гребаную секунду. Если не хочешь торопить события, так тому и быть. Мы со всем справимся, независимо от того, что будет впереди. Хоть твой брат и мечтает меня убить.

Марселла вздохнула – теперь уже глубоко.

– Надеюсь, ты ошибаешься насчет Амо. Может, твои приятели-байкеры солгали, чтобы вбить клин между нами.

– Байкеры не бросают слов на ветер. Будь у них проблемы, они бы быстро решили их, пристрелив меня. А люди, пытающиеся убить меня с помощью других, точно члены твоей семьи, хотя Витиелло и обещали оставить меня в живых.

Марселла прищурилась.

– То есть не один Амо, но и вся моя семья желает тебе смерти?

Рядом появился Гроул.

– Лука хочет поговорить с тобой в офисе «Сферы».

Я не был обескуражен тем, что Гроул созвонился с Лукой, а тот намерен меня увидеть. Меня не тянуло общаться с отцом Марселлы, во всяком случае, пока не узнаю, причастен ли он к утечке информации.

– У тебя уже есть место для собаки? – спросил я, показывая на Сантану.

Гроул отрицательно покачал головой.

– Слишком много ротвейлеров с кучей проблем. Они никогда не покидали питомник. И не привыкли жить в семье.

– Но она еще молода, ей два года, она ведь приспособится?

– Если приложить терпение и время, она сможет.

– Тогда я хочу забрать ее, когда найду жилье...

Марселла с легкой улыбкой погладила собаку через решетку. Волосы Белоснежка откинула набок, и ужасная татуировка, сделанная Эрлом, просвечивала сквозь белую ткань футболки. Прошлой ночью после разговора с Греем я ненадолго ощутил груз вины за то, что убил дядю. Сейчас это чувство улетучилось и сменилось разочарованием и гневом, которые я испытывал перед смертью Эрла.

Мои глаза метнулись к уху Марселлы, чуть прикрытому волосами и заклеенному пластырем.

Марселла поймала мой взгляд, ее движения стали скованными, прежде чем она вновь сосредоточилась на собаке.

Гроул прервал напряженное молчание:

– В доме, где я раньше жил, есть отличная меблированная квартира.

– Полагаю, она принадлежит Семье?

– Это недвижимость Луки.

– Я посмотрю, смогу ли найти собственное жилье.

Марселла поднялась на ноги.

– Я пойду с тобой на встречу с отцом.

– Лука приказал мне отвезти тебя домой, – сказал Гроул.

– Я отправлюсь в офис, – решительно продолжала Марселла.

Вероятно, Гроулу не понравился подобный расклад.

– Я буду тебя сопровождать.

– Хорошо, – любезно согласилась Марселла. – Но я еду с Мэддоксом.

– Я не могу такое позволить. Приказ твоего отца был четким. Сейчас тебе нельзя оставаться с Мэддоксом наедине.

В глазах Марселлы вспыхнул гнев, но было очевидно, что она попыталась сдержать грубый ответ. Она мимолетно кивнула. Я наклонился к ней.

– Скоро у нас появится достаточно времени, чтобы оставаться наедине. Я докажу Луке, что он может доверить мне самое ценное. Используй это время, чтобы поговорить с братом. Узнай у него подробнее об утечке информации.

У меня появилось предчувствие, что встреча с Лукой не приведет ни к чему хорошему. Амо по-прежнему казался буйным и был способен слить сведения обо мне.

Она благодарно улыбнулась, но я чувствовал – Белоснежку раздражали приказы отца.

– Если ты будешь жить в одном из наших многоквартирных домов, тогда нам будет проще видаться. Папа не позволит мне посещать какое-либо место, которое он не сумеет защитить должным образом, особенно после похищения.

Конечно, она права. Мне не хотелось жить под бдительным взором Витиелло, однако я проглочу гордость до тех пор, пока Лука не сообразит, что я не собирался причинять боль его дочери.

– Пошли, – буркнул Гроул. – Нам лучше поторопиться. Луке не понравится, если мы опоздаем.

– Мы точно не хотим его злить, – сказал я с сарказмом и подмигнул Марселле.

Она взяла меня за руку и встала на носочки, шепча на ухо:

– Он постарается усложнить тебе задачу настолько, насколько возможно. Он надеялся, что ты сбежал, но теперь, когда ты вернулся, он и другие мужчины Семьи подвергнут тебя испытаниям, пока ты не поймешь – оно того стоит.

– Они могут протащить меня через ад столько раз, сколько пожелают. Но им следует быть в курсе, что я тоже могу устроить для них ад.

– Не сомневаюсь, – ответила Марселла и запечатлела легкий поцелуй на моей щеке, прежде чем последовать за Гроулом к машине.

Витиелло не собирался отдавать дочь без боя. Он решительно настроился на то, чтобы помочь Марселле обрести душевное спокойствие после всего, через что она прошла, надеясь, что она устанет от меня, когда вернется к прежней жизни.

Часть меня боялась этого, но я буду бороться изо всех сил, чтобы не расставаться с Бело-снежкой. Я пойду против ее отца и всех тех, кто намеревался встать на моем пути.

Глава 6

Марселла

Я гладила Сантану по голове, когда к тротуару подъехал мотоцикл.

Гроул сразу же прикрыл меня, крикнув худощавому парню-помощнику, чтобы тот достал ружье. От страха у меня участился пульс, но когда я заметила Мэддокса, то затрепетала от возбуждения. Сердце забилося так быстро, что я чуть было не упала в обморок. Я поклялась, что если когда-нибудь увижу его снова, то не позволю эмоциям взять вверх надо мной, но сейчас поняла – я не способна сдержать обещание.

Из-за синяков и порезов на лице и руках Мэддокс выглядел ужасно. Он стоял и смотрел на меня, замерев на месте, отчего мое возбуждение резко сменилось на ярость. Наверное, он был удивлен, потому что больше не намеревался меня увидеть и не ожидал встретить здесь.

Когда я собралась сделать шаг, чтобы броситься к нему, Гроул схватил меня за руку.
– Отойди. Я ему не доверяю.

Почему Мэддокс примчался именно сюда? Если он и впрямь сбежал, то ему нет никакого смысла приезжать в приют Гроула. Наши взгляды встретились, и на его лице расплылась улыбка. Меня захлестнула злость, и я потеряла контроль.

Высвободившись, я побежала к Мэддоксу, радуясь, что надела кроссовки. Его улыбка исчезла, на лице отразилось замешательство.

Частица меня хотела броситься в его объятия. Но, к счастью, гнев сдерживал глупое сердце. С каждым словом, вылетающим из уст Мэддокса, негодование угасало, во всяком случае, по отношению к нему самому, а ярость сменилась тоской по этому мужчине. Но я не поддалась чувству окончательно. Мне еще нужно узнать правду обо всем, прежде чем позволить эмоциям взять верх.

* * *

Гроул высадил меня у дома, но остался ждать в машине, чтобы потом отвезти в «Сферу». Надеюсь, разговор с Амо не продлится долго, и после я смогу отправиться на встречу между папой и Мэддоксом, чтобы сказать последнему, что мой брат не сливал информацию.

За ее утечкой наверняка стояли приятели-байкеры Мэддокса.

Я нашла Амо в спортзале, располагающемся в подвале. Когда я вошла, он отжимался. Никогда не понимала привлекательности в таких тренировках. Мне нравилось заниматься спортом при дневном свете, однако брат всегда выбирал подобные места, вероятно, чтобы полностью отключиться от внешнего мира.

Вот и сейчас Амо отжимался с такой злостью, словно пол лично его оскорбил. Я прислонилась к дверному косяку, одновременно удивляясь и поражаясь сосредоточенности брата. Я любила его столь же сильно, как маму, папу и Валерио. Мне не хотелось верить, что он желал

убить человека, который неотвратимо занимал место в моей душе. Когда сегодня Мэддокс подъехал к приюту, сердце бешено забилося, не оставив в этом никаких сомнений.

– А не слишком ли странно любоваться, как твой брат тренируется?

Я закатила глаза.

– Фу, Амо. Не мне тобой любоваться. – Я прошла вперед, сморщив нос от резкого запаха пота. – Удивлена, что ты меня заметил, учитывая, как ты состязался в гляделки с полом.

– Я – мафиози. Крайне важно уметь замечать людей, подкрадывающихся втихую. Вдруг они захотят воткнуть нож мне в спину?

– Кстати о ноже, – сказала я, прищурившись. – Я говорила с Мэддоксом.

– Я слышал, женишок вернулся, – пробормотал Амо, даже не пытаясь скрыть недовольство. Он вскочил на ноги и вытер волосы полотенцем.

– Да, верно.

– И ты врезала ему по яйцам, как и обещала, или же виляла перед ним хвостиком?

– Мэддокс знает, что я злюсь, не переживай, но детали нашего разговора останутся только между нами. Не собираюсь обсуждать с братом свои личные отношения.

– Отношения? – Амо усмехнулся. – Ты и правда хочешь быть с тем, кто пропадает на несколько дней без предупреждения?

– У Мэддокса были на то причины. – Впрочем, он не до конца меня убедил, но Амо не нужно знать подробности. – Мэддокс сообщил, что кто-то слил информацию о том, что он убил дядю.

– У него не очень много поклонников. – Амо бесцеремонно бросил полотенце на скамейку, прежде чем посмотреть мне прямо в глаза. Его лицо ничего не выражало. До моего похищения он не был искусным лжецом, по крайней мере для меня, однако сейчас стало сложно увидеть хоть что-то сквозь непробиваемую маску, которую он приобрел с некоторых пор.

– Меня больше волнует список смертельных врагов Мэддокса в нашей семье.

Амо по-прежнему пристально смотрел на меня.

Меня сводило с ума то, что я не сумела прочитывать ни единой эмоции.

– Чтобы вывести парня из игры, нужно быть с ним в одной команде, но мы – в разных.

– Хватит ходить вокруг да около, Амо. Ты должен сказать правду. Ты распространил информацию, что Мэддокс убил Эрла?

– Я, – непринужденно ответил он. Ни оправданий, ни извинений, ни сожалений, лишь суровая истина.

Я помотала головой, пытаюсь подобрать слова и не утонуть в раздражении и разочаровании.

– Ты надеялся, что другие байкеры убьют Мэддокса, если узнают.

Амо ухмыльнулся.

– Да, так и есть, но, как и всегда, гребаные байкеры лишь разочаровывают.

– Не смей улыбаться! – Я кипела от злости. – Ты обещал не убивать Мэддокса!

– Ничего подобного, и формально не я бы убил Мэддокса, если бы дружки-байкеры прикончили его. Его смерть была бы на их руках.

– Потому что ты...

– ...выложил им правду, – перебил Амо, пожав плечами. – Уайт должен понести ответственность.

Я врезала Амо по руке, но он лишь усмехнулся.

– Отец в курсе, что ты действовал за его спиной? – спросила я.

Амо склонил голову набок.

– А что? Собираешь меня сдать?

– Нет. Но ты должен ему рассказать. Если ты ничего не предпримешь, он может повесить вину на кого-то другого, и невинного человека убьют. Но ты, очевидно, ничего не сделаешь.

Теперь выражение лица Амо чуть изменилось, и в моем мозгу раздался тревожный звонок.

– Только не говори, что папа знал.

Амо потянулся к бутылке на скамейке и сделал большой глоток, явно выигрывая время. Вот я и получила ответ на вопрос.

– Не могу поверить! – Я взорвалась. Не могла вспомнить, когда в последний раз так рассвирепела. – Кто еще знал? Безусловно, Маттео. Ромеро? Гроул? А может, все, кроме глупой беспомощной принцессы Витиелло?

– Избалованной принцессы, – поправил Амо в жалкой попытке пошутить.

Я отвернулась, иначе бы ударила его снова. Мне одновременно хотелось кричать от злости и плакать: ведь от меня опять что-то скрыли и приняли решения, даже не посоветовавшись.

– Ты никогда не будешь пытаться убить Мэддокса, ясно? – Мой голос был ледяным, пронизанным возмущением, и не дрожал, как я – внутри.

Я искоса посмотрела на Амо: брат долго глядел на меня и покачал головой, глубоко вздохнув.

– Хоть раз в жизни послушай меня и брось Уайта, пока он не разрушил все, ради чего ты трудилась, или пока он не развалил нашу семью.

– Нет и не было ни единого дня в году, когда я бы обратилась к тебе за советом по отношениям – и уж точно не теперь. И когда я говорю, что ничто не может разрушить нашу семью, кроме нас самих, тебе стоит прислушаться. Если мы начнем лгать друг другу, то потеряем непоколебимое доверие Витиелло. А до сегодняшнего момента я полностью тебе доверяла.

Амо казался всерьез озадаченным.

– Ты можешь не сомневаться во мне, Марси. Я бы умер за тебя. Когда я ворвался в логово байкеров, то приготовился к гибели, лишь бы спасти тебя от ублюдков.

Непрошеные слезы хлынули наружу. В день моего освобождения в глазах Амо горела решимость, а сейчас правдивость сказанных им слов поразила меня.

– И Мэддокс был готов умереть за меня.

– Вот его единственная положительная черта.

Я помотала головой.

– Прошу тебя, постарайся побороть ненависть к Мэддоксу. Ради меня. – Не став ждать отвела Амо, я развернулась и направилась наверх, а потом и к машине Гроула. Я плюхнулась на пассажирское сиденье. – Давай в «Сферу».

Прежде чем Гроул отъехал от тротуара, откуда ни возьмись появился Амо, одетый только в спортивные шорты и новую футболку. Он постучал в заднюю дверь, и Гроул открыл ее, чтобы брат залез внутрь.

– Я с тобой, Марси. Мы должны разобраться с проблемами как одна семья.

– Будут ли в офисе мама с Валерио? – саркастически спросила я.

– Мама не в курсе, не сердись на нее.

Разумеется. Папа часто скрывал многое от мамы с целью защитить, чтобы она не расстраивалась. Тем не менее она почти всегда обо всем узнавала, но убеждала отца, что ни о чем не догадывается, как он и хотел. Но меня не тянуло играть в такие игры. Меня не нужно защищать от правды.

Я в состоянии справиться с чем угодно и сегодня наконец заставляю отца кое-что понять. Папа видел во мне вторую версию мамы, хрупкую девушку, которую нужно оберегать. Я любила маму и была благодарна за черты, унаследованные от нее, однако многие особенности характера я получила от папы. Он не хотел это видеть, хотя стоило, если я и вправду наме-

ревалась использовать шанс жить самостоятельной жизнью и стать частью бизнеса... и быть с Мэддоксом, в первую очередь быть с ним.

Мэддокс

Припарковавшись в переулке возле «Сферы», я слез с байка. Мне не были известны точные приказы Луки, но как только я подошел к вышибале у входа, у меня появилось чувство настороженности. Он напрягся, когда заметил меня.

Надеюсь, разговор Марселлы с братом не продлится долго. Во-первых, я хотел увидеть ее снова и не был в восторге от встречи один на один с Лукой Витиелло. Пусть я ничего и не сказал Марселле, но у меня по-прежнему закрадывалось подозрение насчет причастности ее старика к распространению информации. Он желал моей смерти и искал способы убить меня, не нажимая на курок самостоятельно.

Вышибала что-то произнес в гарнитуру, висящую на ухе, затем кивнул.

– Босс ждет тебя в кабинете.

– Мне и тут хорошо. Я покурю, пока не приедут Марселла и Гроул.

Лицо мужчины помрачнело.

– Босс хочет видеть тебя сейчас, так что иди.

Я приподнял бровь.

– Можешь попробовать затащить меня внутрь, но в таком случае я должен сказать, что надеру тебе задницу.

Ошеломленный громила уставился на меня. Затем и вправду бросился в мою сторону. Уклонившись, я, как и обещал, надрал ему задницу. Он столкнулся со стеной соседнего здания и развернулся, готовый вновь ринуться в атаку. На этот раз с ножом. Я швырнул сигарету на землю, потушив окурок ботинком.

– Как бы ни было приятно за вами наблюдать, но Лука ждет тебя, поэтому шевелись, Мэддокс, – зевнул появившийся откуда-то Маттео. Он прислонился к дверному косяку и сложил руки на груди.

Наши взгляды пересеклись, и холодная расчетливость в его глазах дала мне понять, что и он не рад моему появлению. Я пожал плечами, с вызовом ухмыльнувшись вышибале. Мое тело испытывало благодарность за предотвращение драки. Нужно было проверить ребра на предмет возможных переломов, но еще мне требовались деньги на байк – старенький «Харлей», который я недавно приобрел, доставлял слишком много хлопот – и на новое жилье, поэтому я не мог потратиться на лечение.

– На «Кавасаки» была царапина, – проворчал Маттео.

– Это не ко мне, я знаю, как обращаться с мотоциклами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.